

А.В. Маслов

КУБАНСКАЯ СТАРИНА

Жизнь и быт казаков

ОИПЦ
"ПЕРСПЕКТИВЫ
ОБРАЗОВАНИЯ"

А.В. Маслов

КУБАНСКАЯ СТАРИНА

Жизнь и быт казаков

Элективный курс

2-е издание

2007

Краснодар

УДК 39+ 947.1/9 (471.62)

ББК 63.5+ 63.3 (235.7)

М 31

Маслов А.В.

М 31 Кубанская старина. Жизнь и быт казаков: Элективный курс. 2-е издание. – Краснодар: ОИПЦ «Перспективы образования», 2007. – 64 с.: ил. – ISBN 5-93749-065-7

Иллюстрации Е. Стаценко

УДК 39+ 947.1/9 (471.62)

ББК 63.5+ 63.3 (235.7)

Новая книга педагога и краеведа А.В. Маслова повествует о буднях и праздниках казачества, о кубанской старине, стремительно отдаляющейся от нашего суетного века. Изучение истории предков – основа элективного курса, разработанного автором и апробированного им и его коллегами в школах Новопокровского района. Издание предназначено для учителей, школьников и всех, кто интересуется историей Кубани.

*Допущено департаментом образования и науки Краснодарского края
в качестве учебного пособия.*

ISBN 5-93749-066-5

© ОИПЦ «Перспективы образования», 2007

© Художественное оформление.

ОИПЦ «Перспективы образования», 2007

Все права защищены

ПРЕДИСЛОВИЕ

В учебных пособиях достаточно полно освещены воинская слава казаков, их походы, сражения. Но если мы обратимся к мировоззрению, духовной культуре, специфике семейных отношений, то обнаружим много пробелов.

В чем же истоки патриотизма, причины устойчивости традиций, берущих начало еще в вольнице запорожцев и донцов? Ясно, что для ответов на эти вопросы сухим изложением фактов не обойтись.

Но как сделать историю живой? Как добиться, чтобы она начиналась от каждого ученика, живущего на Кубани, от его семьи, окружения?

Вот здесь и родилась мысль о создании историко-этнографического курса «Кубанская старина». Его разработке предшествовал период собирания материала в архивах и краевой научной библиотеке им. А.С. Пушкина, бесед со старожилыми, многим из которых уже за восемьдесят, и записи их воспоминаний. Структуру программы подсказали строчки исторического гимна кубанских казаков «Ты, Кубань, ты наша родина».

Первый раздел называется «*Покорная дань*». Из него дети узнают, насколько искренней и осознанной была вера казаков в Бога, как она наделяла смыслом и украшала их повседневную жизнь.

Второй раздел – «*Родной отцовский дом*» – посвящен тому, чем особенно дорожили казаки и что всегда помогало им хранить нравственную чистоту: семейному укладу, любви к родной земле.

Первоначальное название третьего раздела – «*Старая слава*» – было заменено пушкинской строкой «Преданья старины глубокой», которая, по мнению автора, больше соответствует характеру духовных понсков казаков, запечатленных в преданиях, пословицах, быличках.

Данный курс был апробирован автором в стенах новопокровской средней общеобразовательной школы № 10, этим опытом пользовались многие учителя района. Занятия проводились, как правило, факультативом (1 час в неделю), в 5 – 9-х классах, в течение одного учебного года.

Формы работы с материалом могут быть различными. Как показывает опыт, в 5 – 6-х классах лучше использовать свободные беседы по теме, регулярные экскурсии в музей, встречи со старожилыми. В 7 – 9-х классах целесообразно включать элементы проектной, научной деятельности.

Считаю своим долгом поблагодарить всех, кто помогал мне в работе, прежде всего земляков – старожилых, подлинных знатоков и хранителей казачьей старины. Здоровья им, радости на каждый день и благодарных потомков.

А.В. Маслов

ВВЕДЕНИЕ

ПОКЛОН РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

Кубань! Одно слово. Два слога. Как сладостно дополняют они друг друга! И как звучат благословенно! Так и слышится в них звон колоколов первых православных храмов, появившихся в этих краях еще в достопамятные времена.

Кубанская земля завораживает чистотой горных рек, терпким запахом луговых трав, пением жаворонков, тоскливым голосом куликов, настойчивым призывом перепелов по весне: «Пить-полоть!» Как не вспомнить и щебетание ласточки над крышей родительского дома, и всплеск крыльев белых лебедей на степной речке, и крики чаек, оторвавшихся от близкого моря и устремившихся в глубину пшеничных полей.

И совсем теряешь голову от медового запаха подсолнухов, когда в один из дней, словно сговорившись, они разом зацветают желто-горячим цветом от одной лесопосадки до другой, и ты стремишься охватить поле взором – а оно не вмещается в нем, выплескивается и переливается через край.

Рядом с полем дремлют скифские курганы. Пусть не такие высокие, как прежде, в недавнем XIX веке, когда почти на каждом из них около станицы стояла ветряная мельница.

Но и теперь, когда их постепенно оттесняют могучие опоры линий электропередач, курганы все еще сохраняют свой царственный вид.

Встают перед глазами страницы истории древнего края, где ближние и дальние времена, старое и новое переплелись, дополняя друг друга, обостряя нашу любовь к родной земле.

Вновь и вновь сердцу хочется оторваться от обыденной жизни, ощутить неведомые или забытые чувства, жадно припасть к старине, как к целебному роднику, забыв о равнодушии окружающего «технического» века.

Шлем тебе, Кубань родимая,
До сырой земли поклон.

В прошлом веке, когда впервые прозвучали эти строчки гимна кубанских казаков, который они называли песней-молитвой, офицеры и казаки во время его исполнения снимали папахи и низко кланялись. Их поклон был выражением сыновней преданности родной земле за ее щедрость и доброту, за то, что не один век одаривала и одаривает своим богатством.

И чем дальше уходит время, тем ближе сердцу подвиги и дела тех, кто сотворил эту песню и вписал незабываемые строки в историю нашего края.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ
ПОКОРНАЯ ДАНЬ

Кзаки исстари считались народом свободолюбивым, не терпящим никакого гнета и принуждения, но в одном деле они были едины и покорны: когда полагалось нести свою дань в пользу церкви – десятую часть «от меча и весла».

С первым потоком переселенцев-черноморцев в 1793 г. на Кубань прибыла в обозе (в разобранном виде) походная войсковая Свято-Троицкая церковь, которая сразу была установлена.

На Тамани войсковым судьей А. Головатым была построена церковь Покрова Пресвятой Богородицы (в 1794 г.). Сами названия казачьих поселений несли отпечаток веры: станицы Архангельская, Благовещенская, Вознесенская, Новотроицкая, Новопокровская, Новорождественская, Петропавловская, Успенская...

В советское время утверждалось, что вера у представителей казачьего сословия не была глубокой. Но стоит обратиться к фактам повседневной жизни казачества, чтобы убедиться, насколько такой взгляд необоснован. В каждой хате был святой угол, где висели иконы, которые передавали из поколения в поколение. Практически в каждой семье хранились Библия, Евангелие, молитвенник. Казаки соблюдали основные церковные праздники, регулярно посещали церковь. За всем этим просматривается система религиозных взглядов, убеждений, искреннее стремление приобщиться к духовной культуре.

Под сенью храма

В воскресные дни с раннего утра из разных концов просыпающихся улиц направлялись в церковь казаки. Молодые и пожилые, с женами и детьми, коренные жители и иногородние – кто пешком, кто на дрожках, либо в расписных *тачанках*, устланных персидскими коврами, либо в лакированных экипажах. Повсюду праздничные черкески с серебряными газырями и малиновым уголком бешмета, женские юбки, выглядывающие одна из-под другой в семь-восемь слоев, разноцветные девичьи платки. По дороге встречали родных и друзей, обнимались, целовали друг друга в щеки, договаривались увидеться после церковной службы.

Молодые люди под любым предлогом старались отстать от строгих родителей, искали глазами своих приятелей или подружек, а главное – того или ту, ради кого останавливались, выглядывая поверх голов.

И только ребятишки, словно *перекати-поле*, перебежали от одной группы к другой, суетились, восхищенно разглядывая все, что их окружало.

Впрочем, житейские радости и заботы отодвигались в сторону, как только люди приближались к ажурным воротам церкви. Здесь они останавливались, молитвенно склоняли головы, крестились на купола – и, оставив будничные помыслы и настроившись на торжественный лад, входили.

В храме заказывали *литургию* или *панхиду*, покупали, зажигали и ставили свечи, отвешивая поклоны в сторону икон.

Рядом с иконами располагались высокие, начищенные мелом до блеска, переливающиеся медные доски. На них старославянскими буквами были начертаны фамилии погибших в бою либо на служебном посту казаков, уроженцев этой станицы или города, с указанием полученных ими наград (как правило, Георгиевских крестов).

И стояли в той же церкви их матери, отцы, жены, вдовы, дети, выросшие без отца; и не одна слеза падала на грудь, когда губы шептали имя любимого человека, которого уже не было рядом.

Наличие этих памятных досок в то время придавали первостепенное значение.

Известно, что 27 марта 1878 года по Кубанскому казачьему войску был принят приказ «Об увековечении памяти о подвигах воинских чинов, павших героями служебного долга во славу Царя, Отечества и Веры православной», список казаков открывался с 1792 года. Были в приказе и такие запоминающиеся слова: «Сохранение имен этих героев в памяти для нас, кубанцев, составляет священный долг и обязанность».

Вопросы:

1. Почему именно в церквях и храмах до революции устанавливались памятные доски?

2. В чем историческое значение приказа по Кубанскому казачьему войску «Об увековечении памяти о подвигах воинских чинов, павших героями служебного долга во славу Царя, Отечества и Веры православной»?

3. В советское время на Кубани были разрушены многие храмы. Почему вопреки этому многие люди продолжали верить в Бога?

Святой угол

Свою историю казаки знали и почитали. Кропотливо и бережно хранили все, что имело к ней отношение. Как бы они ни жили – бедно или богато, но в любой дореволюционной станице не было хаты без святого угла.

Если в комнату заходили гости – первым делом крестились подле икон, укрытых сверху вышитыми или кружевными полотенцами, и от волны свежего воздуха начинал колебаться огонек лампы.

Когда строили хату, ее начало – первые ряды из тяжелого, гулкого самана – тоже начинали возводить с восточной стороны, от угла, где впоследствии располагался *домашний иконостас*.

За несколько дней до входин (новоселья) обязательно приглашали священника, чтобы тот освятил помещение. Тогда же в комнату заносили дорогие сердцу иконы, среди них и те, которыми благословляли молодых на свадьбе. Вскоре хозяин заказывал красивый фигурный стол-угольник темно-вишневого цвета, на котором появлялась белая кружевная накладка – дело рук умелой казачки. Здесь располагались книги: Библия, Евангелие, молитвенники.

Подходил срок службы казака.

В день отправки, по давнему обычаю, он не выходил со двора до тех пор, пока отец с матерью не снимали из святого угла икону – образ Сына Божьего Иисуса Христа или Николая Угодника – и не благословляли ею молодого воина.

На шею вешали медальон с изображением Георгия Победоносца – покровителя воинов на Руси – или зашивали в одежду маленькую, со спичечный коробок, иконку, чтобы та оберегала их сына от смерти, от вражеской пули. Лишь после этого всей семьей провожали парубка до калитки, где он садился на коня, чтобы присоединиться к своим друзьям-одногодкам, уже поджидавшим его на улице. Молодые воины направлялись в церковь, где священник служил напутственный молебен.

Шли годы. Казак возвращался. Едва он выглядывал из вагона на ближайшей к дому железнодорожной станции, собираясь вывести из товарняка своего боевого коня, как его тут же узнавал и радостно окликал кто-то из земляков. И вот уже весточка о его прибытии бежала по знакомым улицам, приближалась к родному крыльцу.

А там, в доме, царил суета. Родители спешили переодеться в нарядную одежду. Отец снимал дорогую икону в святом углу, мать дрожащими руками вытирала ее бархоткой. Заметив из окна приближавшегося сына, родители выходили с иконой к калитке встречать его. Благодарили Бога за спасение сына, поздравляли возмужавшего воина с возвращением в «родную степь» (выражения «родная станица» тогда еще не было).

Икона возвращалась на прежнее место, рядом с ней теперь висел казачий медальон.

Святой угол иногда называли и царским. Может быть, потому, что там хранили портреты царя и членов его семьи те, кто служил в Конвое Его императорского величества, но в большей степени, пожалуй, – по названию иконы с изображением Иисуса Христа – Царь Славы.

Потом в этом углу появится красивая шкатулка с наградами и походной иконкой, побывавшей с казаком на службе.

В долгие зимние вечера, когда хозяин мог спокойно посидеть со своими детьми или младшими братьями и рассказать им о своих боевых походах, о полку, где служил, о товарищах-односумах, доставал он содержимое шкатулки, и каждый мог подержать в руках дорогие для него вещи. А походную иконку отца получал сын, отправляясь на службу.

Так святой угол простой казачьей хаты становился началом истории рода, семьи, где жизнь каждого казака переплеталась с историей страны и приобретала свой особый смысл.

Вопросы:

1. «Святой», «царский» угол – что общего в значении этих понятий?
2. В казачьей семье все – от мала до велика – по-особенному относились к святому углу: кто-то украшал его, наводил порядок, кто-то следил за лампадой. Какой смысл, по вашему мнению, имело такое «разделение труда»?

Рождество

В старину говорили: «Рождество светится!»

И было это отовсюду видно и заметно: тысячи переливающихся на морозе блесток инея, что каждое утро щедро украшали крыши домов, амбаров, заборов. Светился и казак – от удачи: урожайный год выдался! Расцветали и становились пунцовыми щеки детворы – наконец-то сменили *ушики* на валенки! К каждому Рождеству для детей валенки новые катали, и тут уж ни одного пригорка они не пропустят около хаты – непременно скатятся с него на своих легких санках; а иногда, не рассчитав, нырнут с ними в сугробы и вылезут оттуда распарившиеся, как из бани.

Преддверие Рождества – Филипповка, начало поста. Мясного в это время не ели, а вот на рыбу налегали. Соленая – в бочках, вяленая да копченая связками в кладовой уже истекали жиром.

Крупную рыбу заготавливали с осени – обменивали в Приазовье на пшеницу. Впрочем, и своей рыбы рядом хватало, ведь почти каждая станица находилась у реки.

Синеватый дымок перекочевывал с одного подворья на другое, пахло сгоревшей соломой, щетиной, слышались неистовые крики кабанов по дворам – привычное дело к Рождеству заколоть одного-двух из них. А уж гусей, уток, индюков – не считали.

В жилых комнатах тоже кипела своя работа: выносили ковры и коврики на снег, выбивали, чистили их, обметали паутину по углам, вечером купали детей в *шаблыках*, да и сами не пропускали банных дней.

Особое внимание в те дни уделяли иконам «Крещение» и «Вертеп». Святой угол, где они находились, полностью обновляли: стирали *набрызники*, протирали иконы, чистили лампаду, меняли в ней масло. Вокруг икон развешивали, как тогда говорили, *блескоту*: разноцветные мониста, серебряные бусы, игрушки, добавляя к ним высохшие стебельки степного кермека, заготовленного с лета, придвигали в тот же угол и елку.

И разговоры! Их вели о каждой детали икон, о каждом лице, изображенном на них, вспоминали библейские события, поправляя друг друга, открывали Евангелие, лежавшее рядом, чтобы найти в нем ответы и для себя, и для других.

Иногда в комнату, оторвавшись от хозяйственных дел, забегал папаша: «Девки, вы ж смотрите, не забудьте в церкви купить крутых свечей!» (это значило – витых, крупного размера, которые обычно ставили на праздничном столе-угольнике под иконами).

Посередине станичных церквей в те дни выставляли большую икону «Крещение».

Вечером накануне Рождества женщины колядовали, а наутро мужчины христославили:

Рождество Твое,
Христе Боже наш,
Воссияй миру
свет Разума,
В нем бо звездам
служащая
И звездою учасуя.
Тебе кланятися
Солнцу правды.
И тебе ведсти
С высоты Востока.
Господи. слава Тебе!

После чего добавляли радостные для любого хозяина строчки:

Где царь ходил –
Там пшеница рожала,
Где царица ходила –
Там жито родило.

Осыпали янтарной пшеницей святой угол, комнату и самих хозяев.

В день Рождества (7 января) все от мала до велика шли в церковь. Блескучий снег резал глаза, и приходилось щуриться, под ногами громко хрустела морозная корочка, тулупы – черные да белые – мелькали повсюду, кисти расписных шалей спускались до земли, торжественный звон колоколов доходил до самой крайней станичной хаты, а около церкви теснилось саней – не сосчитать.

Заканчивалась служба – и начинались праздничные дни. Не отягченные полевыми работами казаки всласть отдыхали. Одни спешили навестить родственников, другие, усадив детей в сани, катали их по станице, третьи на разукрашенных тройках с колокольчиками под расписной дугой спешили «до кумовьев».

Сколько самоваров чая там было распито! Сколько голов сахара расколото! Чай пили вприкуску, подкладывая под язык ароматные дольки вяленого абрикоса.

И во все рождественские дни, как повелось издавна, главным местом отдыха станичников становилась река. Она, как магнитом, притягивала всех к себе. Сюда мчались стайки детворы с санками в руках, чтобы покататься с крутых берегов; дети постарше и взрослые, наточив коньки, тоже спешили сюда. На льду расчищали площадку для популярной игры – «лодыжки», похожей немного на городки, где проверялись глазомер и точность удара. «Инвентарь» для игры готовили заранее.

Когда к празднику варили холодец из ножек животных, выбирали лодыжки – кругловатые и белесые кости. Собирали их в сумочку с завязкой, сортируя. Если это были овечьи – их называли *лодыжки*, если телячьи – *бучуки*, если свиные – *кубуси*.

В одну из костей заливали свинец, и в ходе игры она становилась битой. В рассыпанные на льду лодыжки нужно было сверху попасть этой битой. Если играющий попадал – лодыжка отскакивала в сторону и становилась добычей ведущего, если нет – тот отдавал хозяину лодыжек свою, такую же.

Азарт в игре иногда был таков, что иные проигрывали полностью содержимое своих сумочек, и вот тогда каждую лодыжку уже надо было «выкупать» (обменивать): то ли на вареное яйцо, то ли на кусок сала или домашней колбасы, а иногда дело доходило и до выкупа копейками.

Самыми зрелищными и захватывающими были кулачные бои. В день их проведения на заснеженной реке собиралась не одна сотня любопытных. Бились улица на улицу, один край станицы против другого. Первыми, как всегда, задирали друг друга мальчишки, за них заступались парни, потом дело доходило до мужиков.

Шли стенка на стенку. Противника старались с силой ударить по плечу, в грудь, в спину – только чтобы свалить его в снег. Если кто падал – лежачего больше не трогали, не били, но сам пострадавший должен был выйти из игры.

За исходом «боя» на берегу придиричиво наблюдали старики, следя, чтоб все было по правилам и бойцы не подкладывали медных пятак в перчатку. Не пропускали этого зрелища женщины и девушки.

Где-то на исходе праздников на реке все чаще и чаще появлялись *мажары* и *шарабаны*, дно которых было выстлано соломой. В одном огороженном месте их доверху нагружали колотым и пиленным льдом. Работали в рукавицах, у ног работающих лежали ножовка и багор: все приготовленное они отвозили в подвалы-холодильники, крытые толстым слоем камыша, готовили впрок – для мороженого.

Так лето осторожно заглядывало в зиму.

Вопросы:

1. *Как готовились к Рождеству? Что значил праздник в жизни земледельца?*

2. *Какие развлечения были распространены, в чем секрет их популярности?*

Великая Пасха

В степях Кубани, как известно, лесов было мало. Может быть, поэтому казаки с особым чувством относились к одному дереву, которое украшало их улицу или переулочек. О нем даже слагали песни. В одной из них были такие строчки:

Уж ты верба моя,
Листом кучерявая,
Ты не стой, не стой,
Ой, да верба моя,
Над речкою быстрой.

И в самом деле, трудно представить тогдашние полноводные степные реки без огромных вековых ив – стволы в три обхвата! – что видны издали в любую погоду.

Их густые прутья-ветви отливали золотом. А когда обильно начинали сыпать снежинки, деревья, укрытые снегом доверху, становились похожими на белые курганы. Но едва приближался февраль – еще грава не выглянула из-под снега, а вербы уже открывали свои крошечные, как бусинки, листочки; они сплетались в тонкую ткань и колыхались, как рыбацкие сети, что вывесили у берега для просушки.

Впрочем, ивы были еще и своего рода природной точкой отсчета времени в казачьем быту. Когда люди расходились по домам в день Вербного воскресенья, отмечая вход Иисуса в Иерусалим, и несли перед собой, как свечи,

пушистые ивовые прутики, они знали: начинается преддверие Пасхи, дни великих забот и стараний.

Все ждали этот праздник, готовились к нему. Мужчины наводили порядок во дворах и конюшнях, вывозили навоз на поля, готовили конскую упряжь и сельхозорудия для пахоты, чистили и мыли лошадей. Женщины торопились после зимы новым венником собрать паутину по углам и на потолке, нетерпеливо снимали занавески с окон и русской печи, стирали их, разводили известь или белую глину для побелки хат изнутри и снаружи. Спешили достать из сундуков одежду, выветрить ее, выгладить – так и мелькали в умелых руках утюги, паровой да печной!

Портные и сапожники были нарасхват! Дома их уже не застанешь: с ножными швейными машинками, с сапожным инструментом кочевали они от одной улицы до другой, обшивая и обувая казачьи семьи от мала до велика.

Видя такое старание людей, не отставала и природа. Очнувшись от зимней дремоты, она выбеливала сады цветом все гуще и гуще, шум прилетевших скворцов становился все громче и громче.

Удары молота в кузне, звон плотницких топоров по дворам, гул церковных колоколов в будни и по воскресеньям убыстряли весенние дни, делали их короче.

В один из таких дней глава семьи отправлялся на мельницу и привозил домой мешок *нулевки* – специальной муки для Пасхи. Его бережно заносили в хату, окружали, развязывали, брали муку шепоткой, пробовали языком и выносили решение: «Надо только добавить простой муки, чтобы пасхи сверху не потрескались».

И вот уже довольная бабушка ставит опару, накрывает ее тулупом и тут же объявляет невесткам: «Завтра пасхи печем».

В день приготовления пасхи – Великую пятницу – детвору отправляли на целый день из хаты, мужчины находили себе работу во дворе.

В комнатах воцарялось спокойствие: ни грубого слова, ни суеты, тем более ссор. Если что и вспыхнет между невестками, бабушка тут же их усмирляла: «Прекратите! Грех ругаться на Пасху. Хлеб поставили в печь!»

С утра во всех уголках хаты, а особенно ближе к русской печи, пахло ванилью, сушеными фруктами, изюмом, вареньем.

Печь протапливали овечьими кизьяками – до тех пор, пока угли не ложились мерцающим ковром по *поду*. Тогда только по нему разносили деревянными лопатами сырое тесто в формочках. Закрывали большой заслонкой. Все выходили из комнаты, и только бабушка изредка заходила и заглядывала в печь.

Девчонки в это время колотили в стаканах гоголь-моголь, чтобы украсить пасхи, размазав его гусиным пером по верхушкам, после чего посыпали их сверху крашеным пшеном. Когда готовый хлеб вынимали из печи, начинали готовить пироги, пирожки, красили яйца.

Вечером, когда вся семья была в сборе, бабушка вскидывала легкое облачко марли (или *дижника*) – и взорам присутствующих открывалось сокровище: большие и маленькие пасхи, напминавшие купола церквей, смолистые пирожки и пироги с плетенками посередине.

Все домашние кланялись хлебу, крестились, благодарили Бога за щедрые дары. Затем обращали взоры к святому углу, где находилась икона Матери Божьей Кормилицы со снопом, и молились ей.

Во все предпасхальные дни у икон горела лампада, стояла плащаницка – эмалированный поднос, на котором располагалась пророшенная пшеница, а в центре миниатюрного зеленого поля – свеча и три красных яичка.

Впереди еще была всенощная служба в церкви, освящение куличей, разговенья на рассвете, праздничное гулянье, катанье на *тачанках*, груженные *линейки* богатых казаков, что щедро развозили по станции угощение бедным семьям: хлеб, сало, окорок, яйца.

Пасха – праздник для всех!

Вопросы и задание:

1. Почему Пасху называли Великой? Что она значила в жизни земледельца?

2. Поразмышляйте над строчками: «В комнатах воцарилось спокойствие. Ни грубого слова, ни суеты, тем более ссор». Чем объяснялся такой душевный настрой: уважительным отношением к хлебу или нежеланием скандала в доме?

3. Выполните рисунки по теме «Пасха».

День Троицы

Этот день еще называли Большим Праздником. Его всегда особенно ждали – пятидесятый день от Пасхи, время на грани весны и лета.

За день-два до Великого дня кто-нибудь из мужчин запрягал лошадь в дрожки, снимал косу в сарае, подтачивал брусом и, обмотав куском рогожи лезвие, отправлялся за травой. Ехал чаще всего на кордон, реже – на какую-либо поляну или в мокрые балки, где сохранились нераспаханная земля и разнотравье.

По дороге взгляд неудержимо притягивала волшебная скатерть-самобранка луговых трав; а на ней – что душе угодно! Горицвет, донник, любии-друг, мята, полынь, седые пучки ковыля...

Несколько широких взмахов косой – и под ноги ложатся душистые валки сена; только наклонись над ними, чтобы собрать в охапку – и закружится голова от густого настоя травы и пряного запаха земли.

Возвращался казак после полудня. У калитки или на завалинке у хаты его уже ожидала детвора. Завидев отца издалека, стаей воробышков срывались ребятишки к нему навстречу, предвкушая радостный миг, когда он остановится и рассадит их на сене. Они будут весело болтать, подпрыгивать на свежей еще траве, игриво поглядывая по сторонам: неужели никто не видит их счастья? Их, конечно, останавливали. Взрослые спрашивали: «Где косили? Что уже сделали к празднику?», подходили к дрожкам, вытягивали клочок травы, нюхали, возвращали обратно.

Привезенную траву дома разбрасывали по полу ровным слоем, любимые цветы – ромашку, цикорий, чабрец – связывали длинными нитями пырея и небольшими букетиками прикрепляли к спинкам кроватей, а веточки вербы и цветущих вишен – на иконы или над входными дверьми.

Заканчивалась работа в доме – не спешили уходить, собирались в горнице, рассаживались по полатам вдоль стен, молча ожидая, как бабушка оценит их усердие. А она к этому времени уже заканчивала осмотр комнат.

– Вот и дождалась Троицы! – говорила она приветливо, входя в комнату и крестясь. За нею крестились и остальные.

– Сердце радуется! Земля радуется! Видите, как она цветет! И сам Господь Бог спускается к ней и к людям, хочет утешить их, убедиться, что его помнят и берегут в своем сердце.

Тут она жестом правой руки приглашала посмотреть себе под ноги.

– Смотрите, какое диво дивное у нас. Запах, как в раю. Живи – и умирать не хочется.

– Что вы, что вы, бабушка! – останавливали ее внучки, подходили к ней, гладили по плечам. – О чем вы говорите? Даже и не думайте об этом. Живите, сколько вам хочется.

Бабушка приободрялась.

– Ну, что же, дети мои. Одно дело сделали – другое нас ждет. Работа не любит сидячих, пойдем дальше. Помогите нам, Господи! Не оставь нас, сирых, болезных, мятущихся и неразумных, – с этими словами она широко крестилась, за нею – остальные. И все расходились по своим делам.

До праздника обычно все, от мала до велика, старались побывать в бане, чтобы в церковь пойти чистыми и пригожими.

После церковной службы возвращались домой, переодевались, брали еду, немного домашнего вина и с детьми отправлялись в поле – хлеба смотреть.

За дорожными разговорами незаметно добирались до своего пая.

Остановившись, взрослые мужчины спешили к посевам пшеницы, опускали тяжелые ладони на колючие колоски, будто пробовали на упругость, раздвигали их, срывали несколько штук, терли в руках, жевали молочные зерна.

Женщины тем временем расстилали скатерти на траве, выставляли различные кушанья, квас, первую зелень: петрушку, редис, укроп, лук.

Затем все садились кружком, и начиналась трапеза. Говорили о близкой уборке хлеба, о том, как придется убирать: своими силами или нанимать кого со стороны, какова плата за труд. Солнце клонилось к вечеру, семья собиралась, но не домой, а на *кордон* – любимое место отдыха казаков.

Глядя с его ковыльной высоты на окружающие поля, вспоминали времена, когда здесь держали границу линейные казаки.

Дети заворуженно слушали рассказы старших.

Вопрос и задание:

1. Сравните приведенное выше описание праздника с тем, как отмечается он в вашей станице, городе. Что общего и в чем разница?

2. Используя текст и рассказы старших, нарисуйте словесную картину «Праздник Троицы у казаков».

Иконки

Каждая большая казачья семья – а они, как правило, были такими – считала долгом одну из дочерей в возрасте двенадцати-тринадцати лет отправить на целый год к монашкам.

Те жили во всех станицах, чаще всего по двое, поблизости от церкви. Казаки их звали сестрицами. Относились к ним почтительно, с подчеркнутым уважением за истовое служение Богу, преклонялись перед их праведной отшельнической жизнью.

Именно «христовым невестам» казаки доверяли судьбу одной из дочерей. Она должна была во время пребывания в их доме учиться смирению, почтению к старшим, тихой любви к Богу. Все это время ей полагалось ходить в церковь, участвовать в церковной службе, крепко запоминать слова, советы, пожелания, как в мирской жизни претворять заповеди Всевышнего.

Одновременно девочку обучали свободно читать Библию (а значит, предполагалось владение церковнославянским языком), изучали Евангелие.

В самом начале девочку испытывали. Монашки брали сито, переворачивали его вверх дном, укрывали *кашемировым платком* и сверху клали Евангелие.

– Прочтешь до конца – платок твой! – говорили они ей, оставляя одну в комнате.

Сами уходили. Но исподволь все же поглядывали, как она читает: серьезно, вдумчиво или постоянно подсказывает, поглядывая в окна на улицу, читает все подряд или просто перелистывает. Затем следовала беседа и вопросы по

содержанию отдельных глав. Только потом принималось окончательное решение: останется она в доме монашек или возвратится домой.

Девочек, которые прошли такое обучение, в станице называли воспитанницами монашек. Ими гордились родители. Да и как было не радоваться, если в доме отныне жил человек, придирчиво следивший за всем, что касалось глубины веры, правильного служения Богу; а в случае, если в семье кто-то умирал, — было кому его отпевать, соблюдая давние традиции предков.

Именно эти девочки и подсказывали выбор иконок — миниатюрных, со спичечный коробок изображений Иисуса Христа, Богородицы, Николая Чудотворца, Георгия Победоносца, ангелов-хранителей.

Маленькие иконки были очень распространены среди казаков. Ими пользовались постоянно. Отправляясь на ярмарку, пусть даже в соседнюю станицу, казак непременно возьмет с собой в нагрудный карман иконку с Николаем Святым; чтобы не было скандала в доме — поможет *Гурий, Самон и Явив*; чтоб дома все были здоровы — просили целителя Пантелеймона, собираясь на военную службу — обращались к Георгию Победоносцу.

Большим праздником для станичников были дни, когда из далекого известного монастыря привозили чудотворную икону. Ей устраивали пышную встречу. На всем пути от железнодорожного вокзала до центра, где находилась церковь, вдоль дороги с двух сторон выстраивалась чуть ли не вся станица. Когда мимо проносили икону — люди опускались на колени, кланялись ей до земли, крестились. В церкви, где икону устанавливали для поклонения, не иссякал живой поток казаков.

Великим уважением окружали в станице тех, кто отправлялся в святые места, — *паломников*. В церкви торжественно оглашали их фамилии, служили в честь этого события *молебен*, желали удачи и счастливого пути.

Дорога к святым местам: Киево-Печерской лавре, Новому Афону — была долгой, порой опасной, потому паломники чаще всего присоединялись к купеческим обозам или к *чумакам*.

То, что паломники приносили по возвращении, было самым ценным, дорогим подарком: нательные крестики, Евангелие, иконы и иконки.

Казачьи семьи радушно принимали паломников из далеких мест, через Кубань в Новороссийск проходил путь в Иерусалим. Их оставляли на ночлег, щедро угощали, жадно слушали рассказы о святых местах.

Вопросы:

1. Кого называли воспитанницами монашек? Чем они отличались от сверстниц?
2. Почему паломники пользовались всеобщим уважением?

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ
РОДНОЙ ОТЦОВСКИЙ ДОМ

 подвигах казаков написано много, но гораздо меньше – об их повседневной жизни, в которой формировались взгляды на воинскую службу, где набирались они смелости и отваги. Казаки вписали в историю страны ярчайшие страницы, без их участия трудно представить отдельные события.

Какими же были истоки казачьего духа, характера, как складывался этот редкий тип человека – воина-земледелльца?

Содержание второго раздела предоставляет возможность окунуться в атмосферу повседневности казачьей жизни, увидеть изнутри, как казаки вели хозяйство, каких правил придерживались при строительстве своей хаты, как поддерживали ровные отношения в большой казачьей семье, как настойчиво изо дня в день воспитывали в своих детях трудолюбие и готовили сыновей к будущей воинской службе.

Берегли казаки и связь поколений. Где-то по привычке («Так заведено!»), а в большей степени целеустремленно («Предками завещано!») они поддерживали культ старших в семье, хранили и передавали их житейский опыт – ведь все это спланивало семью и защищало от ударов судьбы.

Если кому из служивших казаков везло и он на недельку-другую попадал в родные края, то, возвращаясь обратно к месту службы, обязательно привозил подарки своим одностаничникам, которые служили с ним в одном полку, от близких им людей. Это были новые сапоги, вышитые платки, темно-вишневые кисеты с табаком.

Понятно, что из всего этого складывался образ отцовского дома, где любят и ждут – образ, который всегда берегли в своем сердце.

Казачья хата

Едва весеннее солнце прогревало вершины курганов и степные дороги, как тут же на глазах зеленые ковры степей начинали менять свой облик. То там, то здесь у скопища высохшего бурьяна пробивались острые листья пырея и лазориков, появлялись из-под земли бледные верхушки лопухов, борщевников, сурепки.

В такие дни молодые семейные казаки, задумавшие построить собственную хату, уже начинали свои хлопоты. Верхом на лошади в свободное от работы время спускались вниз, к реке, где *глинища* и вода, выбирали место для будущего *замеса*: то ли здесь, у реки, то ли через дорогу от отцовского дома,

на выгоне. Не забывали заглянуть на станичный лесосклад, отобрать же готовую выделку для будущей стройки: окна, двери, рейки и доски для верха.

Издавна повелось в станице – каждый молодой хозяин строил собственную хату.

Одни, похожие на украинские мазанки, принадлежали черноморцам, другие – высокие, просторные, с двух- и четырехскатной крышей, с коридором во всю длину хаты и деревянным крылечком, как было принято на Дону, – линейцам.

Турлучные и саманные жилища возводили обычно сообща, всем «обществом»: силами родственников, соседей, друзей по старой службе, которые считали своим долгом помочь хозяину в этом добром деле.

Хорошего мастера – *кляльщика* самана в то время трудно было найти: он был *нарасхват!* Потому с ним заранее, еще за полгода до стройки, договаривались об оплате, о сроках начала и конца работы.

Когда стены уже были возведены – неделю-другую давали им для «осадки». После этого приглашали плотника с помощниками, тот вставлял в коробки окна, подгонял их, навешивал двери, ставил стропила наверху. Затем к работе приступал *крыльщик*, который крыл хату соломой или камышом.

О камыше тоже нужно было побеспокоиться заранее: ведь им не только крыли хату, но и отапливали ее в холодное время. Потому заросли вокруг станицы уже давно были выкошены. В поисках камыша отправлялись далеко верхом на лошади.

На крышу хаты шел как крупный камыш – его стелили понизу, так и мелкий – на гребень. Во время работы мастер подбивал камыш узкой доской, чтобы край крыши был ровным – как тогда говорили, «под корешок».

Когда гребень хаты был уже готов, с двух сторон ставили фигурки гривастых коников или хвостатых петушков, вырезанных из жести и прибитых на удлиненный колышек.

Дальше хату мазали (штукатурили), белили. И вот наступал черед *входин* (новоселья) – торжественных, с обязательным приглашением священника, кучей гостей и родственников.

Начинались песни за столом, огневые пляски в перерывах, тосты за хозяина и хозяйку, и звучало неизменное: «Пусть на века стоит хата!»

И что удивительно: простояли!

Добротой, с любовью и старанием сделанные, они выдержали испытание временем, обладая неоспоримым достоинством: летом в них всегда было прохладно, а зимой – тепло. Некоторые из них сохранились до наших дней!

С годами казаки стали жить богаче, саманные хаты строили все реже. На смену им пришли деревянные и кирпичные дома, где земляные полы заменили деревянными, крашеными. Однако старую постройку, если стены ее были

крепкими, не рушили, а перекрывали новым камышом, и тогда она становилась подсобным помещением: кухней, кладовой.

И часто можно было видеть, как на широком казачьем дворе стояла старая, уже осевшая в землю хата, а с нею в ряд два-три дома – новые, высокие, с блестящей цинковой крышей, или крытые желтой ребристой черепицей.

Вопросы:

1. Почему у переселенцев Кубани одни хаты назывались черноморскими, другие – донскими? Чем они отличались?

2. Как строились саманные хаты? Какие дома приходили им на смену? Какие социальные причины скрывались за этим?

Подворье

Ничто так ярко не отражало характер и хозяйскую жилку казака, как его двор.

Достаточно было только взглянуть на него, чтобы безошибочно определить, пустил ли поселенец на новом месте «корни».

Даже ширина двора имела значение.

Если был он широким, просторным – значит, хозяин уже думал о постройке новых хат, где будут жить взрослые сыновья, если узкий двор – наверняка в семье одни девки, а значит, никакого расширения не предвидится.

В обустройстве подворья казаки всегда придерживались главного правила: здесь все должно быть на виду, под рукой.

Главная достопримечательность казачьего двора – пространство между крыльцом, что выходило во двор, и хозяйственными постройками вокруг него.

Зелень здесь не росла, поскольку ее вытаптывали с весны и до осени детвора, взрослые, домашний скот, кони.

В воспоминаниях старых казаков, не по своей воле покинувших родину, нельзя не заметить светлой грусти именно об этом маленьком, но таком миллом сердцу уголке отцовского двора.

Да и как его можно было забыть!

Здесь в детстве бегали, оседлав тополиные прутики, на конце которых были привязаны ременные петельки, подобие уздечек.

Когда мальчишке исполнялось пять лет, отец или старший брат подводил к крыльцу коня, поднимал казачонка на руках и водружал в седло. И тот, держась за дужку седла, горделиво посматривая сверху на стоявших в сторонке бабушку, мать, сестренку, осторожно натягивал уздечку и проезжал верхом

по двору. А уж к семи годам проехать на коне без уздечки было для казачонка привычным делом.

Памятна эта площадка еще и тем, что именно здесь казаки молотили снопы: поначалу тяжелыми цепами, позже – *каменными катками*.

Когда земли прибавилось и зерна привалило в хозяйстве, появились *локомобили*. Скооперировавшись с соседями, на выгон неподалеку от хаты привозили снопы с поля, «кормили» ими ненасытную пасть машины; закончив работу, довольные, развозили по своим дворам готовое зерно.

Количество построек во дворе могло быть больше или меньше, смотря по достатку хозяина.

В своем дворе казаки много скота не держали – для этого хватало простора степи.

На одной стороне двора ставили плотницкую, конюшню, при ней – хомутовку, где хранили хомуты, седла, конскую упряжь, щетки, деревянные гребни для расчеса гривы и хвоста лошадей. Дальше располагались коровник, помещения для телят, свиней, птицы.

На противоположной стороне – хлебные амбары, ближе к хате срубленный колодец, летняя печь под черепицей – навес на четырех столбах, кирпичный погреб.

За хозяйственными постройками начинался огород, тянувшийся до фруктового сада у реки, с поляной, где дремали колоды пачеки.

Подойдет срок службы казака – и унесет его верный конь в далекие края: может, в турецкую сторону, может, к холодным скалам Дагестана или островерхим крышам Померании. Но всегда и везде будет помнить казак тропинку детства, что проторил босыми ногами по белесой тугой траве на зорьке.

Никогда не забудет он, как вослед ему доносился радостный звон молочных струй, что ударялись о края подойника; впереди в зарослях уже проснулась камышанка, а вдоль клубящейся реки там и тут из прогалин камыша виднелись бледные силуэты лодок первых рыбаков.

Источался туман. Вокруг становилось светлее. И вдруг все пространство от одного берега до другого охватывал голос одинокой кукушки. Это бережно переносило его, боясь обронить или потерять, и незаметно опускало на самое дно детского сердца, где оно затаивалось на долгие годы, чтобы полыхнуть в час воспоминаний жгучим огнем.

Вопросы:

1. *Что в ведении казачьего хозяйства шло от бережливости, а что от традиционного уклада жизни?*

2. *Можно ли назвать хозяйство казака натуральным? Приведите аргументы «за» и «против».*

Верный друг

Невозможно представить жизнь казака без коня. Как в праздники, так и в будни все было связано с этим неизменным спутником казачьей жизни.

Даже хаты строили иногда под одной крышей с конюшней, и в суровые зимние метели, когда снег засыпал сарай и в них невозможно было попасть со двора, хозяин зажигал ночной фонарь, открывал из коридора дверь, что вела в конюшню, и беспрепятственно проходил к своим любимцам проверить: все ли у них в порядке, есть ли сено в яслях, зерно в торбах, настлана ли сухая солома под ноги.

Едва солнце выбеливало краешки окон, как хозяин уже был на ногах. Не завтракая, спешил он проведать лошадей. Когда с грохотом открывалась наружная дверь (ее от воров на ночь перетягивали толстой железной полосой поперек на нижнем и верхнем болтах), в лицо тут же ударял крепкий запах травы и лошадиного пота; словно по команде, в сторону человека поворачивались огромные сверкающие глазищи. Казак протягивал руку с кусочками хлеба, и лошадь вытягивала навстречу большие бархатные губы, осторожно собирая с ладони лакомство. Вскоре начиналась уборка помещения, лошадей чистили и поили, задавали корм, проверяли упряжь.

Чтоб земля в конюшне была мягкой и сухой, на этом месте хозяин заблаговременно на штык лопаты выбирал землю, а вместо нее насыпал несколько слоев глины и соломы, располагая этот настил под углом к центру, где проходил выводящий желоб.

Издавна соблюдался обычай ставить в казачьем дворе две конюшни: одну для выездных лошадей (на них ездили в гости, на ярмарку, в церковь, участвовали в скачках), другую – для лошадей рабочих, на которых пахали, сеяли, ездили в поле за снопами, сеном, подсолнухами, вывозили навоз со двора и удобряли им свои паи.

В первом отделении всегда находилась строевая лошадь, предназначенная для воинской службы. Покупали ее заблаговременно, чтобы казак до службы привык к ней, изучил ее повадки.

Но лучшим вариантом считалась покупка породистого жеребенка: ведь тогда детство и юность его хозяина были неразрывно связаны с родным для него существом. Он приучал коня к себе, своим командам, постигал основы верховой езды, приемы джигитовки, учил четвероногого друга не бояться выстрелов.

Те, кто занимался разведением лошадей, угоняли свои табуны в степь, на целину, огораживали место, куда их сгоняли на ночь, – летний баз.

Осенью и зимой, когда случались нападения волков, кони могли защитить себя: умные жеребцы загоняли молодежь в середину, а сами с кобылами занимали круговую оборону.

На летних сборах молодые казаки уже могли показать свою удаль и успехи перед службой: рубка лозы одним и двумя клинками на скаку; индивидуальная и групповая джигитовка; прием, когда по команде казака конь должен быстро лечь на землю, чтобы хозяин из-за него произвел выстрел.

Выучку коня проверяли и другим способом. Новобранцы отходили от своих коней метров на пятьдесят и окликали их по имени или подзывали условным свистом.

Задача нелегкая! Ведь среди многочисленных молодых парней, одетых в одинаковую казачью форму, не так легко найти своего хозяина, а если учесть, что нередко бывали у лошадей одинаковые клички... Тут уже питомец казака ориентировался по запаху или по условному, только ему понятному сигналу.

Но даже среди большого числа подготовленных лошадей попадались особые, необыкновенные, с даром артистизма.

Бывало, подойдет лошадь к казаку, а тот ее спрашивает:

– Как ты меня любишь?

И его верный четвероногий друг тут же снимает с казака губами папаху-кубанку и, опустившись на одно колено, кланяется ему, вызывая восторг и восхищение окружающих.

Единение казаков с лошадьми было поистине нерасторжимым.

Если в бою казак был ранен и падал, то конь всегда останавливался, подходил к нему, трогал его лицо губами и, даже если не получал команды от хозяина, опускался рядом, чтобы раненый мог забраться на него хотя бы поперек седла. Так верный товарищ выносил казака из боя, спасая от неминуемой гибели.

Вопросы:

1. *Какое место отводилось лошадям в хозяйстве?*

2. *Выучкой своего коня занимались много и старательно. Почему это было так важно для казака?*

«Мелочи» хозяйства

Казаки знали толк в ведении хозяйства, были рачительны и трудолюбивы. И не было для них большей награды, чем услышать одобрение от соседей, друзей, атамана, когда те приходили в гости и, оглядывая ухоженный скот и хозяйственные орудия под навесом, говорили: «Да, хозяин в этом дворе есть!»

Образцовая хозяйственность к казаку, естественно, приходила не сразу. Бывало по молодости и легкомыслию: «Что во дворе – это не мое дело. Забот в поле и без него хватает!»

Зато уж когда казак обретал чувство хозяина, оно дальше только укреплялось. «Свое добро надо оберегать постоянным трудом», – говорили в станицах.

Чтобы хозяйка не бегала каждый раз в погреб за кувшином молока, у крыльчика, что выходило во внутренний двор, казак закапывал столб, опиленный так, что в центре появлялся шип, похожий на богатырский палец. На него навешивали старое тележное колесо на высоте человеческого роста, чтоб можно было дотянуться рукой. Между спицами его ставили кувшины с молоком, укрытые сверху марлей. Само колесо можно было вращать. Поставленное утром молоко скисало к вечеру, вечернее – к утру было прохладным.

Каждое утро казак обходил свой двор, заглядывал в конюшни, коровник, загоны для скота. Все, что оставалось после ночи под ногами лошадей и коров – солома, трава, бурьян, все, что называли изъедом – собирали граблями и вилами, перебрасывали овцам. Не пропадать же добру!

Когда во дворе было много животных, возникала проблема «лишнего» навоза. Опытные казаки успевали его и для поля заготавливать, и подбрасывать на базу под ноги овцам и быкам – чтобы те утапывали его с осени до лета.

В жаркие дни, когда скот выгоняли на траву, за станицу, утоптаный животными навоз резали волнистой лопатой на небольшие прямоугольники – кизяки, которые затем сушили, складывая пирамидой. Позже их переносили в сарай или под навес, оберегая от дождя и сырости; долгой зимой лучшего топлива не найти: и горит долго, и жар в печи остается.

Казачий двор выглядел бы сиротливо, если бы не стоял в нем деревянный амбар для зерна. Иногда их было несколько, крытых черепицей или цинком. Внешне громоздкие, внутри амбары были на редкость удобными.

Посередине – проход, слева и справа от него – закрома с зерном. Здесь помешали и специальный сундук для муки с совочком внутри, чтоб удобнее было насыпать.

Когда молодая несли из амбара муку в большой чашке, сверху накрывала настольником, чтобы случайный ветер не развеял муку.

Амбары ставили обычно на высоких пиленых ракушечниках, чтобы зерно внутри не сырело и не сгорало.

Казаки благоговейно относились к хлебу не только за столом – после еды не оставалось крошек! – но и в поле, еще во время уборки урожая.

Заранее готовили *мажару* или *шарабан* для перевозки снопов, последний для этого случая «наращивали» дополнительными досками; то и другое внутри укрывали брезентом.

На поле снопы передавали из рук в руки: тот, кто был на повозке, не «пулял» их, а укладывал осторожно, как живое существо, соблюдая порядок – колосками внутрь: если и будут сыпаться, то все упадет на брезент.

Обычно снопы с поля во дворы перевозили мальчишки, но гонок по дороге никогда не устраивали.

До станицы добирались обозом; чтобы превозмочь дремоту – пели песни, громко переговаривались, подзадоривали друг друга колкими словами. Если и позволяли себе при этом «вольности» – окунуться, не снимая одежды, в речке или попутном *ставке*, – то только когда нужно было напоить лошадей.

Чтобы быстрее убрать урожай, работали с раннего утра и до поздней ночи.

Дома поджидали снопы. Место, где собирались молотить, поливали водой, утапывали ногами или укатывали каменными катками, которыми потом и молотили. Сами снопы складывали в *одонки*, предварительно расстелив на этом месте парусный брезент.

Количество одонок становилось показателем урожайности года. Если говорили: «Пять одонок намолотили!» – то это был скромный урожай, а вот если десять – пятнадцать – соседи завидовали.

Вопросы:

1. *Каким было отношение к мелочам хозяйства у казаков дома и в поле?*

2. *Что означало для них понятие «бережное отношение к хлебу»?*

Чистик

Земля-матушка!

Это присловье часто можно было слышать в кубанских хуторах и станицах. В нем отразилось особое отношение казаков к земле, убеждение в нерасторжимом слиянии человека и природы.

Впрочем, по-другому и не могло быть. Земля кормила, она была основой хозяйства. Имея собственный пай, казак чувствовал себя свободным, чем мог похвалиться далеко не всякий в тогдашней России. Соответственно и обращение с землей становилось поистине сыновним: бережливым, трепетным.

«Линейцы, – отмечали в XIX веке «Кубанские областные ведомости», – делают свои нивы аккуратно, грудья тщательно разбивают боронами, так что вспаханное поле представляется как бы настланным сырцом чернозема» («КОВ», 3 августа 1874 года).

В той же заметке корреспондент сообщает, что казаки охотно используют не «ветхозаветные» плуги, а усовершенствованные, немецкие. Были у тогдашних земледельцев и свои «календарные» сроки сева зерновых культур: «... линейцы на озимый хлеб начинают пахать уже с июня месяца, а в августе при первом дожде уже производят засев».

Но что особенно удивило тогдашнего корреспондента, так это прополка казаками наделов пшеницы: «... на Линии (имеется в виду северо-восточная часть Кубани. – М.) очень часто можно видеть в поле сотни женщин, девушек и разных ребятишек, старательно освобождающих свои хлеба от избытка сорных трав».

Нашему современнику тоже удивительно: неужели можно пропалывать пшеницу? Несколько гектаров? Вручную? Или, быть может, при помощи какого-то инструмента?

Да, такой инструмент был. И без него в полевых работах казаки не могли бы обойтись. Назывался он чистиком.

Чистик – не тяпка, но сходство между ними есть.

Его сегодня не встретишь даже на стендах краеведческого музея, только в старых казачьих станицах порою мелькнет он в какой-либо семье – и после работы спрячут его в сарае до следующего сезона.

Представьте себе закаленную железную полосу в два пальца шириной, длиной в 20 – 25 сантиметров. К ее верхней части припаяно широкое кольцо для насаживания на деревянную ручку. Верх железной полосы узкий, книзу расширяется на 4 – 5 сантиметров, кончик его затачивался.

Был еще один вариант этого инструмента. Назывался истоком. Внешне исток очень напоминал «сородича», но в отличие от чистика расходился книзу двумя зубьями, которые тоже затачивались.

Запасливый хозяин осенью на ярмарке покупал целую связку чистиков, по десять штук на проволоке, вешал их на видном месте в сарае, и те ожидали своего часа всю зиму.

В апреле, когда молодая пшеница поднималась в рост и ее начинали забивать густые круги осота, сурепки, молочая, хозяин спешно вывозил семью на прополку. Если этого было недостаточно, нанимал рабочих со стороны. Денег на их содержание хозяин не жалел, даже кормил их в поле – и все ради того, чтобы не упустить сроки прополки и не дать сорнякам «забить» пшеницу.

Такой усиленной прополки хватало до конца мая – начала июня, после чего все повторялось. Но к тому времени прежней засоренности уже не было, а значит, и сама работа проходила легче и быстрее.

Слово «чистик» – возможно, кубанское «изобретение»: в толковом словаре Даля его нет. Об этом говорит и распространенность на Кубани фамилии Чистиковы.

Вопросы и задание:

- 1. Казаки пропалывали пшеницу вручную. О чем это говорит?**
- 2. Нарисуйте чистик и исток, сравните их между собой. Что общего и в чем разница между ними?**

Казачья семья, где было пять – семь детей, считалась типичной. Но управиться с такой оравой одной матери было бы не по силам, если б рядом с ней не было старшенькой.

Свою старшую сестру казачата в детстве редко называли по имени, заменяя его словом «няня», которое начинали выговаривать одновременно со словом «мама».

Она была связующим звеном между взрослыми и детьми. Малыши доверяли ей тайны, тянулись к ней как к человеку, который их понимал; принимали ее как старшую сверстницу, которая всегда стояла на их защите, присматривала за поведением братишек и сестреночек, следила за их внешним видом, обучая азам аккуратности.

В дни уборки хлеба семья выезжала в поле, а няня оставалась дома одна с малыши детьми.

Игрушки в казачьей семье покупали редко, по большей части старались делать их своими руками; и в семье изготавливали их только два человека: дедушка и няня. Из дедовских рук мальчишки получали свистульки, вырезанные из бузины или клена, коников на палке, а старшая сестра баловала девочек куклами – большими и маленькими, сделанными из соломы, тряпок и раскрашенными цветными карандашами. Иногда кукол лепили из сырой глины, добавляя в нее золы – для крепости, чтобы не потрескались.

Дети платили няне взаимностью. Обучали ее грамоте, если по каким-то причинам она не ходила в школу. Позже, уже став взрослыми, седые, бородатые мужики с любовью и гордостью вспоминали: «Няня нас всех вынянчила!».

Но у этой кровной связи была и обратная, суровая сторона. Бывало, что отцу с матерью не хотелось отдавать из дому незаменимую помощницу, поэтому под различными предлогами они оттягивали день помолвки выросшей дочери. Вот почему зачастую ей приходилось устраивать личную судьбу позднее своих подруг.

Впрочем, такое явление в казачьей среде было скорее исключением, чем правилом. Какому же отцу не хотелось счастья для своей дочери?!

Повзрослевшие братья хранили привязанность к старшей сестре даже тогда, когда у нее появлялась своя семья. Если случалось несчастье: сестра преждевременно умирала и оставляла малолетних детей – то по согласованию с отцом детей братья разбирали их по своим семьям, чтобы те не чувствовали себя сиротами.

Вопросы:

- 1. Слово «няня» в значении «старшая сестра» сегодня редко употребляется на Кубани. Почему?*
- 2. Даже если у взрослых были деньги, чтобы купить новые игрушки, они предпочитали их делать своими руками. Почему?*

Домотканая рубаха

Многое в хозяйстве казаки делали своими руками. Это было творческой потребностью души. Да и несвойственны им были праздность, безделье, пустые разговоры.

Сделанные вещи берегли долго, ценя заложенный в них труд и трепет мастерства.

Старые казаки носят сегодня современную одежду, но многие из них до сих пор хранят в старых комодах домотканые рубахи, подаренные им невестами в день свадьбы.

Такая рубашка на первый взгляд незavidная: пепельного цвета, с вышитым на груди красным орнаментом, уже потерялась с внутренней стороны на воротнике; ее уже не носят, но берегут, как память, как воспоминание. И ведь есть что беречь: она выткана в полном смысле слова по ниточке на домашнем ткацком станке руками любимого человека!

Слово «домотканый» – старинное, в настоящее время почти не употребляется. И связано это с тем, что изменилось время, жизнь и быт казаков, их желания и потребности.

Но волшебные крылья памяти могут перенести нас в прошлое, и мы увидим, что означало слово «домотканый» в казачьем быту.

Едва становал снег и устанавливалась хорошая погода, как казаки спешили в поле проводить посевную.

Вместе с другими сельскохозяйственными культурами сеяли и «прядиво» – так в то время называли коноплю. В течение всего периода роста за ней присматривали, ухаживали, пропалывали зеленые рядки и постоянно прореживали, чтобы будылки – основные стволы растения – были толщиной с большой палец.

После уборки зерновых и подсолнечника наступал черед собирать коноплю – она к этому времени уже полностью высыхала, и ее большие листья обвисали, как тряпки.

Мужчины выдергивали коноплю руками из земли, затем аккуратно укладывали в мажару и отвозили к реке. Там ее пучками погружали в воду – утапливали, а сверху, чтобы вода не снесла, забрасывали багном (илом). Через неделю-другую листья оседали на дно, и как только «шкура» – волокна – начинала отделяться от набухшего ствола растения, будылки вытаскивали на берег реки, ставили шалашиком для просушки, затем это все свозили в свой двор.

Выбрав удобный день, во дворе укрепляли переясло – бревно под наклоном, об него с силой били будылками конопли. От них отскакивали кострики – щепки (ими после топили печь), нити собирали в клубки, а чтобы они были еще мягче – детишки их раскатывали по полу и терли своими ножками, обутыми в старые чувяки.

Поначалу приходские и полковые школы располагались в центральных станицах казачьего отдела. А уже к середине XIX века не осталось ни одной кубанской станицы, где не было бы образовательного учреждения.

Начали строить капитальные здания школ. Атаманы стали инициаторами выделения в каждой станице по решению схода граждан так называемых «общественных запашек» – земель, доход от которых шел только на строительство новых школ и поддержку старых.

Немало было случаев, когда богатые, патриотически настроенные люди разных сословий: казаки, священники, купцы, мещане – строили на свои деньги «именные» школы.

Школьный день начинался с молитвы. В коридоре перед иконой выстраивались все классы и хором нараспев, под руководством законоучителя, исполняли молитвы. После этого расходились по классам. В течение дня в помещении класса звучали также обеденные и послеурочные молитвы.

Закон Божий считался одним из главных предметов. Ему уделялось особое внимание. Помимо того что его преподавали в школе, по средам и субботам к детишкам приходили дьяк или монахини из станичного храма, которые вели специальные уроки, разъясняя Евангелие – его главы, строчки, притчи.

Шло время, и жизнь все более вмешивалась в учебный процесс. В газетах тех лет можно было прочесть: «Полевые и домашние работы служат главными причинами, отрывающими детей от школы, в зимнее время – разные климатические явления.

На вопрос учителя, почему пропустили занятия, дети отвечают:

– Обуться не во что.

– Отец не пускал: пахали.

В начале учебного года и в конце во всех школах бывает незначительное число учащихся, а во второй половине марта и с апреля классы постепенно пустеют»*.

В начале XX века все резче в школе стало просматриваться социальное неравенство, неодинаковое материальное положение казаков. «Когда я зашел в класс, – вспоминал один из учеников того времени, – мне бросилось в глаза, как мои сверстники – дети богатых и средних казаков – уже сидели за партами, ожидая учителя, в новых рубашках и штанах. Я был все в той же прошлогодней рубахе и в тех же с заплатами штанах. По всем предметам я учился на отлично». В школах учились дети казаков и иногородних, но платили за обучение только последние.

Напряженными усилиями и каждодневным трудом учителя сглаживали острые углы в отношениях между учениками. Устраивали спектакли,

---

* Кубанские областные ведомости, 11 августа 1873 г.

ставили известные пьесы А. Островского, приглашали в школу для выступления заезжих артистов цирка.

Один из учеников известного кубанского священника А.И. Кулабухова даже в советское время с благоговением вспоминал о своем учителе:

«Он был с учениками в обращении ласков, никогда не наказывал, на уроке требователен, по праздникам раздавал ученикам подарки – конфеты, пряники, орехи, водил в кино».

В начале XX века в станицах стали все чаще открывать женские училища, чего не было раньше. Чтобы поощрять это движение, в Кавказском отделе атаманы приняли решение выделять дополнительный пай земли тем казачьим семьям, где учились девочки.

Мальчишки все чаще стали определяться в юнкерские училища. Немало было среди них и тех, кто поступал в известные российские высшие заведения: Петербургский, Московский, Харьковский, Киевский, Новороссийский (Одесский) университеты.

Вопросы:

1. *Какие этапы прошла в своем развитии кубанская школа?*
2. *Назовите и охарактеризуйте факты социального неравенства среди учащихся.*

Невестин сундук

Повесть Аркадия Первенцева «Баллада о детстве», посвященная временам Гражданской войны на Кубани, начинается с описания необычного семейного сундука, который привлекал внимание не только тем, что был окован «белой, никогда не ржавеющей жостью», но и прежде всего... музыкальным замком. Как только в него заходил и медленно проворачивался ключ, открывалось «главное – пение музыкального замка, какое-то скрытое чудо, колдовские мелодии тонкоголосых, певучих аккордов»*. Не у каждой девушки-казачки был именно такой «музыкальный» сундук, но уж точно в каждом доме, где были девчата на выданье, что-то подобное имелось.

Во многих русских сказках, когда отец собирался в дальнюю поездку, его окружали дочери и просили исполнить различные их желания. Подобную картину можно было видеть и в кубанских станицах, когда отец семейства собирался на ярмарку в Екатеринодар или Ростов-на-Дону. Среди девичьих просьб была и такая:

– Папаша, прошу вас, купите мне сундук для приданого.

---

* Первенцев А. Баллада о детстве. Краснодар: Кн. изд-во, 1969. С. 5.

– Да уж пора, доченька!

И не стоило сомневаться, что на базаре отец будет придирчиво рассматривать каждый сундук со всех сторон. Не один раз подойдет он к тому сундуку, который ему приглянулся, втайне желая, чтоб оказался тот с диковинкой: то ли с музыкальным замком, то ли окованный фигурными медными полосами, то ли разрисованный сказочными цветами.

Можно было украсить изделие и по-другому: добавить фигурные рейки на лицевой стороне, снизу – прикрепить выточенные ножки. На каждой стороне для удобства транспортировки помещали две железные скобы-ручки.

Когда сундуки доставлялись владелицам, девушки оклеивали их изнутри вошеной парфюмерной бумагой, отчего всякий раз, когда изделие открывали, из него по комнате неторопливо расплывался запах сирени или душистой белой акации.

Подобный сундук могли изготовить и на месте, по заказу; могли передавать из поколения в поколение, от матери к дочери. Если тот был «счастливым» и приносил удачу в замужестве, его ревниво оберегали. Когда мать передавала его дочери, сундук никогда не был пустым; на дне его «забывались» свадебные рушники или покрывала.

Девочка-подросток, едва научившись вязать крючком, уже начинала готовить для себя приданое: кружева на платья, кофты, кружевные скатерти для стола. Подрастая, она начинала заниматься отбеливанием холстов, изготовленных из конопля или льна и сотканных на домашнем ткацком станке.

Проводив Троицу и дождавшись теплых дней, станичные девчушки спешили на зеленый берег реки, куда приносили многометровые полотна, опускали их в *копанки*, мочили, мяли, били палкой, выжимали, расстилали для просушки вдоль берега. Процесс повторялся изо дня в день. Без усталости работали они, добиваясь, чтобы полотно стало белым, как бумага.

Когда же под рукой оказывалось такое богатство, из него шили и детское белье, и мужские рубашки, и девичьи платья, и застилки (простыни) на постель, и наволочки на подушки, и носовые платочки.

В кубанских станицах был обычай: когда молодого казака провожали на службу, девчата дарили ему носовые платочки, прикалывая булавкой на грудь. А на них синими, красными или зелеными нитками вышивались дорогие сердцу слова: «В день нашей разлуки», «На долгую и добрую память», «Не забывай», «Береги, если любишь», «Вспомни!»

Какой бы ни была будущая свекровь – доброй или «с характером», при сватании, как бы между прочим, она лукаво спрашивала:

– А сколько наша невестка холстов наткала?

Гостей подводили тогда к невестину сундуку, молча открывали и с достоинством показывали его содержимое.

В отдельных случаях сундуки были и показателями грамотности невест. На внутренней стороне этого бережно хранимого подарка и сегодня, через сто лет, с чувством восхищения можно прочесть строчки, написанные карандашом рукою прабабушки:

2 шали, 4 биржевых (т. е. купленных в магазине) пододеяльника, 11 подшальников, 14 рушников, 3 холста, 2 одеяла больших, 2 одеяла маленьких (для детей).

Вопросы и задание:

1. *Как выглядели, в вашем представлении, невестины сундучки? Свой ответ проиллюстрируйте.*

2. *Как отец выбирал подарок дочери на ярмарке? Почему при этом он был придирчивым?*

3. *С чем связано особое значение сундучков невест?*

Охота

Казак не мог обойтись без охоты. Здесь он «вострил» глаз, постигал науку терпения, учился точности стрельбы, умению скрытно залечь в засаде, чтобы часами ожидать долгожданного момента.

Зверей и дичи тогда было много. К примеру, перепелов даже не считали за дичь, и на них никто не охотился.

Были и диковинки, которые будоражили всех. Ф.А. Щербина* отмечал, что в 50 – 60-х годах XIX века на Кубани, в Кугоейских степях, еще водились тарпаны. Одна такая дикая лошадь в 1868 году была подарена наказному атаману графу Сумарокову-Эльстону.

В октябре, когда появлялась зеленая дымка озими, охотники выезжали в первый раз. На лошадях отправлялись недалеко от станицы – километра за два, за три. Там или подстерегали серую куропатку на поле, где уже была убрана пшеница, или на озими искали заячью лежку. Обычно она находилась посередине поля, откуда зверьку было далеко видно, с какой стороны может приближаться опасность. Водились зайцы и на распаханном поле, оставленном под пары. Но здесь охотнику следовало быть осторожным.

Рассказывали: как-то казак залег в ложбинке и ждал, когда вспугнутый заяц приблизится к нему. Счет пошел на минуты. Зверек стремительно приближался: уже видны были его испуганные, расширенные глаза – охотник несколько раз выстрелил в упор и опешил: заяц как ни в чем ни бывало несся прямо на него! Как потом оказалось, охотник ни разу не попал.

---

* Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. I. Екатеринодар, 1910. С. 96.

Хорошо, что он был в шапке и догадался опустить голову. В тот же момент на него сверху упал заяц, с силой оттолкнулся от его головы задними ногами – и был таков. Но кровавый след от когтей грызуна на голове охотника остался.

В суровые зимы зайцы сами подходили к человеческому жилью, к стогам сена или соломы, сложенным за дворами. Около них казаки обычно ставили ловушки – *мотики*.

Изредка на озими появлялись лисы; большей частью их норы находились в балках или на полях убранного подсолнуха. Наблюдательный охотник по различным приметам видел, из каких зарослей терновника выходила лисица вечером мышковать – охотиться на мышей. К утру она возвращалась на прежнее место; зная это, казаки ставили там капканы или устраивали засаду.

Своеобразной была охота на дроф (в станицах их называли дудаками). Дожидались большого снегопада; когда тот прекращался, выезжали на сани в поле. Заметив стаю крупных птиц, охотники начинали кружить вокруг нее на расстоянии, не приближаясь. По ходу движения из саней вываливались в снег мужчины в полушубках, занимая удобную позицию для стрельбы. Когда сани освобождались, оставшийся в них казачонок шумно, размахивая палкой, приближался к дрофам, загоняя их в сторону укрытых снегом охотников.

Бывали случаи, когда казаки на них охотились... без ружья. Такое возможно было только в гололед. После дождя или мокрого снега с наступлением мороза птица обледеневала и не могла взлететь. В такой день станичники направлялись в поле и оттуда просто пригоняли домой десяток дроф.

Самый большой вред хозяйству казака наносили волки. Они стаями бродили в степи, ища добычи, и горе было пастухам, охранявшим табуны лошадей, овечьи отары, стада телят. Зимой голодные волки подходили даже к крайним жилым хатам, могли разорвать камышовую крышу овчарни и за одну ночь уничтожить там всех овец.

К охоте на хищников готовились основательно. Вначале посылали верховых узнать, где те скрываются. Верховые объезжали заросли терновника в степи, лесопосадки, камышовые балки.

К волчьему логову отправлялся на рассвете целый охотничий обоз – кто верхом, кто на мажарах или тачанках. Приехав на место, охотники разделялись: кто-то нагонял зверя, другие поджидали его в условленном месте.

Отдельные смельчаки во время такой охоты иногда вступали в поединок с волком. Они отгоняли от стаи одного зверя и устремлялись за ним верхом на

лошади. Когда настигали волка, секли его нагайкой, доводя зверя до изнеможения и смерти.

Такие облавы умирjali волков на время. Но ненадолго – года на два. После этого все повторялось вновь.

Вопросы:

1. *Охота у казаков была составной частью их подготовки к воинской службе. Какие качества будущего воина приобретались при этом?*

2. *Как вы понимаете пословицы: «Охотник слышит, как лес дышит», «Охотника девятая заря кормит», «Охотника погода не держит», «На ловца и зверь бежит»?*

Мастеровые Шляховой улицы

Многолетний опыт давал казакам возможность чувствовать себя уверенными и в военном деле, и на поле.

Но когда дело доходило до гончарного, сапожного, портняжного мастерства – тут они уступали приоритет «городьбе» – иногородним, селившимся рядом с ними с первых лет появления станиц.

Их *кузницы, бондарки, колесни*, лавки, мастерские по пошиву одежды, обуви, изготовлению ювелирных украшений стояли обычно на Шляховой улице, проходивший через центр многих тогдашних населенных пунктов. Название свое эта улица получала от шляха (дороги), который заворачивал из степи в станицу, соединяя ее с многочисленными хуторами, селами, городом.

Попасть в центр станицы и открыть там лавочку, или, как тогда говорили, «свое дело», стремились многие из тех, кто направлялся сюда в поисках счастливой жизни. Пришельцы получали ироническое прозвище «рассейцы», возникали скорые поговорки об их занятиях: «Рассея хлеба не сея», «мелочь пузатая: ни вилами ковырять, ни шашкой рубануть», об их первых хатах – «хоромы из земли и соломы».

Однако обойтись без иногородних казаки не могли. В станице выделяли специальное место для постройки их жилищ, называемое «городок». Редко здесь попадались люди ленивые, бесшабашные, легкомысленные, чаще это были истинные мастера, не нашедшие счастливой доли на скудных землях нечерноземья и отправившиеся в далекий путь с последней надеждой благополучно устроить свою жизнь. Они работали в станице не только на уборке хлеба – каждое утро в те горячие дни по улицам «городка» можно было видеть мажары, собиравшие людей для работы в поле, – но и помогали казакам в доме: мастеровых людей приглашали починить плуг, борону, сеялку, наладить работу молотилки, паровика, сноповязалки.

Наиболее сноровистые и трудолюбивые пристраивались к казачьим семьям; в тех домах, где казаки ушли на службу и не хватало рабочей силы, иногородних даже приглашали в долю, образуя союз – *скопщину*, причем хозяин и мастеровой работали вместе от начала и до конца уборки. Когда скашивали урожай, то поровну делили хлебные копны.

Но подавляющее большинство «городчан» принимали заказы на дому, и это становилось основным источником их дохода. Казаки заказывали им все что угодно: ярмо для быков, рогач и кочережку для кухни, специальный крючок для дерганья сена из стога, конскую упряжь, *коты* для женщин, черкеску и бешмет для мужчин, корыто или ступку из дерева, ведра и лейки из жести. Построить дом, конюшню, амбар – все это могли «городовики».

Не отставали от мужчин-умельцев их жены и дочери, рукодельницы да кружевницы, каких свет не видывал. Приехавшие из разных российских уголков, они поражали кубанских девушек своими изделиями. Только им заказывали подвенечные наряды – подзорники. На кубанских рушниках для икон – набросниках – новгородские олени соседствовали с черно-красными украинскими узорами. Умели приезжие умелицы и вязать скатерти для стола, ткань попонки и *ложники*.

Особым почетом у казаков пользовались сапожники, которые держали шорные мастерские. Конская упряжь одноконная и пароконная, седла, нагайки, казачьи пояса с набором – все это изготавливали шорники. Упряжь была и рабочая, и праздничная. Заказывали также упряжь выездную – московского и таврического фасонов, цирковую – специально для цирковых лошадей. Верховые седла делились на казачьи и драгунские. Сырье закупали в Екатеринодаре или Ростове-на-Дону.

Слава иногородних мастеров бежала далеко впереди них. Неудивительно, что заказами от казаков они были обеспечены на весь год.

Вопросы:

- 1. Почему казаки постоянно обращались за помощью к иногородним?**
- 2. Каким образом иногородние мастера влияли на быт казаков?**

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

ПРЕДАНИЯ СТАРИНЫ ГЛУБОКОЙ

Рассказ о казацком быте был бы неполным, если бы мы не коснулись устного народного творчества. Когда заходит разговор на эту тему, перед нами встают величественные вершины русского народного творчества: былины Киевского и Новгородского циклов, сказки А. Афанасьева, пословицы и загадки, собранные В. Далем и Д. Сахаровым.

Примечательно, что казаки не прошли мимо этого богатства и создали свои образцы устного творчества. Многие из них дошли до нас в трудах первых кубанских историков. Фундаментальные исследования И.Д. Попко «Черноморские казаки в их гражданском и военном быту» и Ф.А. Щербинь «История Кубанского казацкого войска», а также другие работы этих авторов украшают фольклорные вставки: легенды, пословицы, некоторые из них приводятся в этом разделе.

Неоценимую помощь в изучении устного народного творчества оказывают старожилы, сохранившие светлый ум, прекрасную память и редкий дар сказительства. Где спокойно, а где и со слезами на глазах вспоминают они о своем далеком детстве, листают страницы жизни и быта своих родичей – казаков. Непритязательные их рассказы свидетельствуют о том, что устное народное творчество кубанцев не иссякло в прошлом, а продолжается и в наши дни.

Творчество это на редкость разнообразно, оно охватывает многие жанры: устные рассказы, сказки, бытовые и военные песни, пословицы, загадки, былички, легенды. В них живет трепетная душа народа, запечатленная в слове историческая память, желание передать потомкам все самое дорогое и заветное.

ПОСЛОВИЦЫ

(в изложении и толковании И.Д. Попко)

Стремя для казацкого чобота, что крыло для пяты Меркурия
Тогда житье было на казатчине!

Какое диво, что само небо было к нам ласковее! Мы величали друг друга братом, а кошевого атамана батькой. Так оно было и на самом деле. Мы не чувствовали тесноты в светличке о трех окнах, под низко спущенной камышовой крышей, где на светанье Божьего дня звонко чиликали воробьи, благодарные за ночлег под одним с нами смиренным кровом. Наши матери и молодичицы разъезжали в стародубовских кибитках, в которых только и роскоши было, что

медные головки на «цвяшках» (гвоздиках), а мы-то, мы с пренебрежением смотрим на колеса – и нас носили стремяна. Стремя было для казацкого чобота, что крыло для пяты Меркурия.

Казак без пики, как девушка без ожерелья

Конный черноморский казак вооружен ружьем, пистолетом, кинжалом, шашкой и пикой. Всего этого слишком много. Что же касается последнего оружия, то о нем у казаков спор. Приверженцы старины стоят за пику, и, кажется, по одной только привычке, по старинной прибаутке: «Казак без пики, как девушке без ожерелья». Молодое поколение бросает остракизм* против пики, потому что не видит подвигов, совершенных пикой, и, что еще важнее, не замечает в горах никакого страха к этому богатырскому оружию, страшному только в известном месте и при множестве известных условий.

Что хорошо выдумано, то полезно и перенимать

Вне строя, в походном и домашнем быту, казаки носят черкесскую одежду, предпочитая ее своей форме, как за легкость и удобство покроя, так и за прочность сукна. В черкесской одежде, как бы тепло ни оделся казак, он одинаково будет поворотлив и проворен. Черкесская одежда и сбруя, черкесское оружие, черкесский конь составляют предмет военного шегольства для урядника и офицера. Вообще, все черкесское пользуется уважением и предпочтением между казаками. Да оно и справедливо: «Что хорошо выдумано, то полезно и перенимать». В похвалу изобретательности и тонкому вкусу черкесов следует сказать, что у них не только воинское снаряжение, но даже земледельческие орудия, не только подсошки при ружье, но соха и вилы на гумне отличаются легкостью, удобством и приятной отделкой.

Бог не без милости, а казак не без доли (не без счастья)

В пикете – укреплении на возвышенном месте – помещается от трех до десяти человек... они черпают силу и мужество в решительные минуты боя из своего задушевного прадедовского убеждения: «Бог не без милости, казак не без доли». Были примеры, что человек десяток дружных односумов, внезапно осажденных в своем плетневом кошелье, с виду готовом скатиться в Кубань от одного толчка, не думали славаться на предложение черкес, сделавшееся ходячей поговоркой: «Эй, Иван, гайда за Кубань!», не теряли головы и геройски выдерживали яростные приступы.

Вопросы:

- 1. Какие пословицы вам особенно понравились? Почему?**
- 2. В каких словах И. Попко выражено чувство гордости тем, что он принадлежит к казачьему роду?**

---

* Остракизм (от греч. «черепок») – в Др. Греции изгнание отдельных граждан из города по решению народного собрания. Имена тех, кого считали опасными для народа, писали на черепках. Перен. – изгнание, гонение.

СКАЗАНИЯ И ЛЕГЕНДЫ

(в изложении Ф.А. Щербины)

Сказание о кубанских богатырях

Богатыри жили в горах и редко появлялись в степях. Что делали в горах богатыри – неизвестно, но со степями их связывали или случай, или конь. Богатырь без коня был немислим.

Богатырские же кони водились в степях. Они были необыкновенно сильны, быстры и могли летать со скоростью птицы.

Богатыри наезжали с гор в степи очень редко и случайно. Может быть, рассказывали казаки, который из них в гости к другому богатырю на другой край света ездил, ну по дороге и проезжал степью через Черноморию, а может быть, дозором проезжал через степи, то после него оставались следы. Табунщики и просто казаки, бывшие в степи, находили целые глыбы земли в сажень по объему, вывороченные копытами лошади.

Чаще, однако, богатыри приезжали с определенным намерением в степь. Когда богатырю нужна была лошадь, или, правильнее, когда нарождалась богатырская лошадь – а такие лошади от времени до времени появлялись, и только старые опытные табунщики подмечали их и догадывались, что это были за кони, – тогда являлся и хозяин лошади, которому она назначалась, сам богатырь. Стоило богатырю только свистнуть своим «могучим посвистом» – и крылатый конь летел к нему, точно заранее к тому приученный. Хозяева-коноводы и табунщики замечали, что так бесследно исчезали из табуна лучшие лошади.

Легенда казаков о дольменах

Отряд во главе с известным казачьим генералом Бабычем чинил розыски в горах и громил черкесов. И вот, когда весь отряд занял одну из горных вершин, на другой смежной вершине, в близком расстоянии от отряда, из богатырской хаты вышел великан мужчина. Высокий, стройный, с широкими плечами, с «строгим поглядом» и могучими руками, он снял покрывку со своей хаты, громадную плиту весом примерно в тысячу пудов, положил ее на ладонь полусогнутой левой руки, а сверху на эту каменную глыбу посадил жену, такую же маленькую и шустрюю, как и «наши черноморки», и с этою ношею невозмутимо спокойно, мерной поступью отправился в горы.

«Прикажете стрелять с пушки?» – спросили артиллеристы-казаки старого генерала.

«Нет, – ответил генерал, – не надо, этого и пушка не возьмет».

И богатырь, на виду оцепеневшего от неожиданности зрелища отряда, «пашов, пашов и пашов прямо в горы».

Вопросы:

1. Как вы думаете, почему кубанский богатырь «был немислим» без коня?
2. Какие реальные и сказочные события отражены в легенде о дольменах?

КАЗАЧЬЯ ТОПОНИМИКА

По роду своей нелегкой службы казаки остро чувствовали грань жизни и смерти, понимали скоротечность того, что их окружало. Но, ставя превыше всего ценность самой жизни, они щедро, а порою и нетерпеливо спешили запечатлеть убегающее время, стараясь сохранить его приметы в названиях, именах, прозвищах. Примеров тому множество. И эти вроде бы случайные слова, как ни странно, остались надолго в памяти народной, отдельные из них даже сохранились до наших дней.

Небольшой мосточек в нынешней станице Плоской едва заметишь из окон проходящего автобуса. Но любой ее житель назовет этот мост с нескрывае-мой гордостью: *Полтавская гребля!* Как пришло слово «Полтава» с Украи-ны сюда, в глубь Кубани?

Может, это воспоминание о Полтавской битве, в которой участвовали кал-ниболотские казаки, основавшие эту станицу? А может, память о том месте, где старожилы обитали до того, как попали в Запорожскую Сечь, где был точно такой же мост через реку их детства и юности? Или строитель моста был родом из Полтавы? Попробуй сегодня угадать, где истина!

Как известно, одним из основных условий поселения казаков на новом месте всегда было наличие источника воды: родника или реки. Когда они прибывали на Кубань, кто-то обязательно благоустраивал родник: углублял его, обкладывал изнутри кирпичом, сверху ставил небольшой сруб с воротом или «журавлем», рядом устанавливал длинные деревянные корыта для по-ения скота. Не забывал хозяин чистить свой студеной источник, чтоб тот не заиливался, или, как говорили, не забивался багном.

Труд человека, превратившего заброшенный родник в открытый для всех колодец, вознаграждался в станице особо. Источник становился именным: *родник Жихарева, Каницева, Маркова.*

Облик дореволюционного хутора или станицы невозможно представить без ветряных и водяных мельниц. На смену им в XX веке пришли паровые (точнее, дизельные), но по традиции их тоже называли именами владельцев: *Красавцева мельница, Адовцева, Махонина.*

Когда в 1897 году в станице Новопокровской появился мост через широкую реку Ея, который соединил центр станицы с железнодорожной станцией, его назвали *Пирожковым* в честь местного купца Якова Охримовича Пирожкова, на средства которого он был построен. Мост до настоящего времени сохранил прежнее имя.

Аналогично назывались школы станицы: *Коробкина школа* – в честь купца Алексея Парамоновича Коробкина, который не только ее построил, но и ежегодно ремонтировал, покупал мебель, учебники, выплачивал зарплату учителям; *Кулабухова школа* – в честь известного кубанского священника Алексея Ивановича Кулабухова, на свои сбережения выстроившего кирпичную церковно-приходскую школу.

Если мост находился поблизости от почтовой станции, он, разумеется, назывался *Почтовым*, около базара – *Базарным*, если через мост проходила дорога на станицу Терновскую – он был *Терновским мостом*, на село Белая Глина – *Белоглинским*.

Улиц в сегодняшнем понятии тогда не существовало, но тем не менее они не были безымянными. Большие станицы делились на отдельные части (куты), каждая из которых имела свое имя: *Хуторянка* – дальняя часть станицы, долгое время в самом деле была хутором; *Кочетовка* – славилась своими задиристыми, горластыми петухами; *Стеблянка* – улица, примыкавшая к одноименной речке; *Городок* – место проживания иногородних; *Частуха* – густо заселенный уголок станицы. Улицы назывались: *Черновка*, *Божиновка*, *Махонщина*, *Хохловка* по фамилиям большинства жителей или первопоселенцев, улица рядом с кладбищем именовалась *Могилевщина*.

Обращаясь к истории улиц Екатеринодара и других поселений Кубани, мы можем встретить похожие названия. Улицы получали имена по крупным домовладениям известных в войске лиц: *Бурсаковская*, *Борзиковская*, по дорогам, ведущим из города в другие населенные пункты: *Динская*, *Дмитриевская*, *Медведовская*, *Пластуновская*, *Пашковская*; по местоположению, истории образования, назначению улицы: *Подгорный переулок*, *Закубанский проезд*, *улица Насыпная*, *Прогонная*, *Карасунская*.

Современный историк назвал топонимику «маленьким памятником истории».

Как это точно! И как дорого сегодня!

Вопрос и задание:

- 1. Как рождались названия улиц, мостов, школ?*
- 2. Соберите материал о том, как прежде называлась улица, на которой вы живете, используя книги и воспоминания старожилов. Если она изменила название, то объясните, почему.*

Песня военного времени

Казаки – участники многих исторических событий – стремились воспеть их.

Авторы большинства исторических песен неизвестны. Все они – плод коллективного труда: и тех, кто сочинял стихотворные строчки, и тех, кто подбирал к ним мелодию. Как бы они ни различались между собой – напевом или содержанием, ни в одной из них наши предки не любят своим успехом, не превозносят свои заслуги, считая ратное дело эпизодом, без которого не будет победы. Нигде в песне вы не найдете насмешки над врагом или его унижения, наоборот, везде – уважение к его смелости, удали, бесстрашию.

Яркий пример тому – песня «Гарнизон наш в Баязете». Между годом, когда появилась песня (примерно 1877-й), и нашими днями стоит плотная завеса времени, отдельные ее строчки за давностью лет порой непонятны и требуют пояснения. К счастью, в краевом государственном архиве обнаружены ранее неизвестные воспоминания кубанских казаков – участников обороны Баязета.

Сравнение текста этого документа с текстом песни проливает свет на обстоятельства ее создания.

Гарнизон наш в Баязете
Атакован турком был.
Голод, жажду выносил он,
Но одно себе твердил:

Двадцать третий день уж минул –
Гарнизон у нас в руках.
Турок цепь свою раскинул
В крутых каменных горах.

«Каждый воин рад стараться
Постоять против врага,
В руки турку не даваться,
Не сдаваться никогда».

Вот отбили мы три пушки,
Турок бросился бежать –
Семьдесят два человека
Не успел с собою взять.

А мы, братцы, не сробеем –
На врагов опять пойдем.
Двинем шашкою своею,
Гарнизон наш отобьем!

Хоть пришла к нему подмога,
Измаил сам прибежал,
Но увидел неудачу –
Пожалел, что опоздал.

Двадцать восьмого июня
Будем помнить мы всегда.
Этот бой под Баязетом
Не забудем никогда.

5 июня 1877 года русские войска стремительным броском захватили турецкую крепость. Это было неожиданностью для врага, попытавшегося вернуть позиции. Но казаки, верные старому завету: «Что саблей отвоевали – даром не отдаем» – сумели отбить все последующие атаки турок.

Оказавшись в крепости, русские воины обнаружили, что там нет никаких пищевых припасов. Оставалось надеяться, что пребывание в крепости будет недолгим и что собственного сухарного запаса солдатам хватит.

Из воспоминаний казаков: «6 июня утром мы узнали, что в ночь с 5 на 6 турки отвели воду из крепости». Это означало, что русский гарнизон в количестве полутора тысяч человек остался без воды. Строчки песни отразили стойкость гарнизона: действительно, «голод, жажду выносил он».

Воспоминания дают представление о положении осажденных: «Сухарного запаса было очень мало, муки тоже, а был только ячмень, ранее приготовленный для артиллерийских лошадей. Ежедневно в ночное время казаки отправлялись за пищу и водой. Связывали несколько бечевок одну к другой, спускали со стены до самой земли, где можно было найти воду. Напьемся одной воды, хотя во рту уже два дня ни крошки...»

Воду, что доставали, поднимали наверх, по-видимому, в бурдюках; в стенах крепости распределяли ее по кружке, по ложке, по пол-ложки. И даже в таких условиях был

Каждый воин рад стараться
Постоять против врага.
В руки турку не сдаваться,
Не сдаваться никогда.

Каждый день к стене крепости приходили переводчики и предлагали защитникам гарнизона сдать: положение их, дескать, совсем безнадежно. Но русские воины стояли непоколебимо, активно держали оборону: совершали дерзкие вылазки, в случае обстрела артиллерией – давали дружный отпор:

А мы, братцы, не сробеем,
На врагов опять пойдем.
Двинем шашкою своею,
Гарнизон наш отобьем!

Находясь во вражеском кольце, они иногда пускались на хитрость ради того, чтобы нанести ощутимый урон противнику.

«Однажды, 8 июня, – вспоминают очевидцы, – мы выкинули белый флаг и открыли ворота крепости. Турки, увидев его, быстро начали стекаться к крепости. И только их собралось много... раздался оглушительный гул наших орудий. Вот тут мы и положили много турок».

Шли дни за днями, а крепость оставалась неприступной:

Двадцать третий день уж минул –
Гарнизон у нас в руках.

Только к концу месяца Эриванский отряд пришел на помощь защитникам Баязета и освободил крепость от осады.

Сравнивая два источника: документы-воспоминания и текст песни, можно сделать вывод: песня «Гарнизон наш в Баязете» была написана по свежим воспоминаниям самими участниками знаменательного события русско-турецкой войны (1877 – 1878).

Примечательно, что в годы Первой мировой войны нашим дедам вновь довелось воевать в тех местах. Они с боями брали турецкие перевалы, спускались в Баязетскую долину и снова овладели легендарной крепостью (1915).

Вопрос и задания:

1. Прослушайте записи исторических песен в исполнении Кубанского казачьего хора. Какие сражения (битвы) или войны отразились в них?

2. Соберите материал по теме «История гимна Краснодарского края» (автор К. Образцов).

РАССКАЗЫ БЫВАЛЫХ ЛЮДЕЙ

Былички

Умелых рассказчиков линейцы называли любителями старины и побывальщины, черноморцы – «непечатаными Гоголями».

Во внешне незатейливых сюжетах казачьей жизни эти люди еще задолго до того, как большая часть казаков овладела грамотой, уже начали создавать устную историю ратных и житейских дел.

Не каждый мог претендовать на роль повествователя. Тут были необходимы и дар слова, и умение выбрать из потока жизни самые интересные, самые значимые эпизоды.

Хорошо, когда такой рассказчик был рядом: легко было коротать казакам время после изнурительных переходов через горы или обжигающие пустыни Месопотамии, или под проливным дождем и обильным снегопадом на Кавказе, когда согревали только бурка да горячие рассказы балагура.

Это были и серьезные истории, основанные на невыдуманных событиях, и так называемые былички – забавные рассказы, в которых зачастую действовали потусторонние силы.

Переселенцы

Папаша рассказывал, как воронежских мужиков переселяли на Кубань.

Заметят, бывало, на базаре или на ярмарке высокого, стройного парня – и за ним! Выловят, тут же горшок ему на голову, подстригут.

А как только подстригли, тогда все – он уже казак, переименовать ничего нельзя. Одним словом, вначале с неохотой шли в казаки.

А вот когда они приходили на Кубань, видели просторы здешней земли, тут их настроение быстро переменялось.

– Сколько земли будете давать? – спрашивали они.

– А сколько пешком отмеришь, то и твое.

И те мерили, как договаривались.

Идет переселенец по степи и час, и другой. Где он остановится в изнеможении – тут тебе и вешку ставят: между наводят с соседями.

После, когда эти воронежцы у нас укоренились, казачьей службой овладели, то желающих переехать к нам из центральных губерний появилось очень много.

Осенью, когда оканчивались работы в поле, отправлялись они пешком (чугунки* еще не было) в гости в родные края, где жили раньше.

И всегда в таких случаях брали с собой в тряпицу горсть нашей кубанской земли, чтоб землякам своим показать да похвалиться, какая она у нас богатая.

Было ли так или по-другому – я не знаю, а вот то, что мне рассказывал папаша, я вам в точности передал.

Про бабу Бобреху

По всей улице коровы перестали доиться. Да не одна или две, а все сразу. Пошел слух: «Все это проделки бабки Бобрехи. Больше никому!»

Жила у нас такая по соседству. Старая-престарая, лицом темная. Седые волосы торчат из-под черного платка. Говорили, с нечистой силой водится. Взгляда ее никто не выдерживал. Вот на нее люди и указали.

Одна женщина и говорит сыну (мужа у нее не было: убили на фронте): «Сынок, переночевал бы ты сегодня в сарае. Проследи, может, в самом деле кто чужой к нам ходит. Закопашься в сене – не замерзнешь».

Юноша согласился. Для храбрости взял ружье, дедову одностволку. Пошел в сарай, а дверь оставил полуоткрытой. Закопался в сене, лежит. Не заметил, как и заснул. Когда проснулся – уже светает. Глаза протер, смотрит – собака чужая заскочила в сарай. Подбежала к корове, приподнялась на задних лапах и стала сосать вымя. Мальчишка обомлел: такого никогда не видел! И все же собрался, прицелился и выстрелил. Попал ей в лапу. Собака как завизжит – прямо человеческим голосом!

Пока мальчишка выбирался из сена, она пулей выскочила из сарая и побежала в сторону хаты бабки Бобрехи.

---

* Чугунка – так тогда называли железную дорогу.

Когда юноша выскочил из сарая – собаки и след простыл. Обошел он вокруг двора зловредной старушки – никакой собаки не видно и не слышно.

Вечером того же дня Бобриха вышла, как всегда, на улицу. А рука у нее перевязана. Бабы тут же с вопросом к ней: «Что случилось?» – «Да вот печку подбеливала, с табуретки упала». А попросить развязать руку – не догадалась, а может, и побоялась.

Только вот после этого случая коровы на улице стали опять доиться.

* * *

Как-то два подростка проходили мимо двора Бобрихи, о чем-то говорили и смеялись. Вдруг из калитки выскочила старуха:

– Так вы еще и насмехаетесь надо мной?!

– И не думали. О своем говорили.

– Вот я до вас доберусь. Вы еще пожалеете!

И тут же скрылась. Хлопцы этим словам не придали значения.

Вечером того дня возвращались они с поля, где помогли взрослым. Уже видна была окраина станицы, когда внезапно поднялся ветер столбом и покатил на парней огромные кусты перекасти-поля, которые сбивали с ног и гоняли их из стороны в сторону. Откуда их столько взялось тогда – неведомо. Пыль серой тучей запорошила глаза. Как живые существа, они поспевали всюду за ребятами, жутко свистели и шипели, как змеи.

И все же, хотя и с трудом, но добрались они тогда до своей улицы. Едва дошли до ее края, как ветер неожиданно стих, будто его и не было совсем.

А на завалинке сидела бабка Бобриха и ехидно улыбалась, глядя на испуганных хлопцев.

Вопросы и задания:

1. *Запишите рассказы старших о том, как основали вашу станицу (город), и сравните с историческими сведениями из книг.*

2. *Приходилось ли вам в жизни слышать былички? О чем они? Расскажите.*

ИТОГОВОЕ ЗАНЯТИЕ-ИГРА

Кто лучше знает кубанские пословицы

Листки бумаги с заранее подготовленными текстами пословиц разрезаются, половинки располагаются на столе в беспорядке.

Игрок берет одну половинку и находит вторую – ее продолжение. Побеждает тот, кто «соберет» больше пословиц.

О запорожских корнях

- Как за ухом чуприна, так и казак.
- Жинки дома хозяйнуют, а казаки в Сечи.
- Казак без пики, как девка без мониста.
- Запорожцы – витязи моря.

О воинской службе

- Сила казаков от земли, удальство от рати.
- Где курган, там и пост казачий.
- Казака ни с кем не спутаешь: пулями меченный, шрамами отмеченный.
- Пластуна и камыш укроет, и кочка спасет.
- Отвага казаку – половина удачи.
- Где саблей не возьмешь, там пикой достанешь.

О переселении, обретении новой родины

- Ногайская степь широкая, да обманчива.
- У казака две опоры: плуг да сабля.
- Землянка – первый приют казаку.
- Матушка Кубань всех принимает: и хохлов, и расейцев.
- Где курень – там и хутор.
- Хутор панский обходи с опаской.

Мирные заботы

- Не отстанет плуг от казачьих рук.
- Хата бела, да без хлеба в ней – беда.
- Слова не деньги, сноп не хлеб.
- До Бога без молитв – будешь чертом бит.

ТОЛКОВАТЕЛЬ СЛОВ

Блескота – украшение.

Бондарка – мастерская по изготовлению бочек.

Бучуки – телячьи кости для игры в лодыжки.

Газыри – нагрудные карманы для патронов.

Глинице – место у реки, где много глины.

Горница – центральная комната, гостевая.

Гурий, Самон и Явив – покровители супружества.

Джигитовка – выполнение упражнений на скачущем коне.

Дижник – легкое покрывало.

Домашний иконостас – место в святом углу казачьей хаты, где размещалось несколько икон.

Закон Божий – учебный предмет о сущности христианской веры.

Замес – смесь глины и соломы, из которой делали саман, заменявший кирпич, и место смешивания.

Каток (каменный) – округлое приспособление с «ребрами» вдоль всего корпуса, на оси, приводился в движение запряженной лошастью.

Кашемировый платок – дорогой платок из тонкой шерсти.

Кальщик – укладчик, строитель.

Колесня – мастерская по изготовлению колес.

Копанка – небольшая яма с водой вблизи реки, откуда брали воду для полива огорода.

Кордон – укрепление, место, где находился сторожевой (пограничный) отряд.

Коты – женская обувь типа полусапожек или ботинок.

Крыльщик – мастер, кроющий крышу дома.

Кубуси – свиные кости для игры в лодыжки.

Кузня – то же, что и кузница.

Линейка – многоместный открытый экипаж, в котором сидят боком к направлению движения.

Литургия – богослужение, во время которого совершается обряд причащения.

Лодыжки – игра в кости, проверяющая глазомер и точность удара, а также овечьи кости для игры.

Ложники – самое нижнее простое покрывало на койке, расстеленное поверх сетки (ложе – постель).

Локомотив – передвижная паровая установка, приводящая в движение сельскохозяйственные машины.

Мажара – двуконная телега с бортами.

Молебен – коллективное обращение верующих к Богу во время богослужения.

Мотики – ловушки из проволоки, которые охотники ставили на зайцев.

Набрызники – праздничные занавески для икон.

Настольник – скатерть для стола.

Нулевка – мука мелкого помола (высший сорт).

Одногездик – земляк, казак одной станицы.

Односум – однополчанин.

Одонка – куча необмолоченных снопов.

Паломник – верующий человек, посетивший святые места.

Панихида – молитва за упокой души усопших.

Пароконка – пара запряженных лошадей.

Перекаати-поле – сорное колючее растение в виде шара, растущее в степи, осенью ветер срывает его с корня и разносит по полю.

Под печи – место, где кладутся дрова.

Попона – легкое шерстяное одеяло или покрывало для лошади.

Скотщина – группа соседей или родственников, совместно обрабатывающих зерновое поле. После окончания работы рассчитывались друг с другом копнами убранный пшеницы.

Ставок – пруд, запруда.

Струги – специальное приспособление для срезывания (состругивания) камыша зимой на льду.

Тачанка – четырехколесная парная повозка с легким кузовом.

Ушики – домашние летние чуваки с «ушками», в которые вдевались тесемки, их завязывали на ноге, чтобы во время быстрой ходьбы или бега не потерять обувь.

Чуваки – легкая кожаная обувь, они были *рабочими* – для работы по дому или в поле и *выходными* – для церкви (у женщин с узорами).

Чумаки – извозчики на волах, которые возили хлеб, рыбу и соль.

Шаблыка – большая бочка, разрезанная пополам, предназначенная для купания.

Шарабан – легкая двухколесная повозка.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Введение. Поклон родной земле	4
Раздел первый. Покорная дань	
Под сенью храма	7
Святой угол	9
Рождество	10
Великая Пасха	13
День Троицы	15
Иконки	17
Раздел второй. Родной отцовский дом	
Казачья хата	21
Подворье	23
Верный друг	25
«Мелочи» хозяйства	26
Чистик	28
Старшие в роду	30
Няня	31
Домотканая рубаха	33
Дедушкина наука	35
Дорогой работник	37
Школа	39
Невестин сундук	41
Охота	43
Мастеровые Шляховой улицы	45
Раздел третий. Преданья старины глубокой	
Пословицы (в изложении и толковании И.Д. Попко)	49
Сказания и легенды (в изложении Ф.А. Щербины)	51
Казачья топонимика	52
Песня военного времени	54
Рассказы бывалых людей	56
Итоговое занятие-игра	59
Толкователь слов	60

И.П. Лотышев
**ПОПУЛЯРНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ
СЛОВАРЬ**
Краснодарского края

Один из выдающихся уроженцев и исследователей Кубани Ф.А. Щербина отмечал характерное для нее «слияние чудес природы с загадками истории». Действительно, не в каждом регионе можно встретить сочетание белоснежных горных ледников с вечнозеленой растительностью субтропиков, морских пляжей с бескрайними степями.

Осуществить «землеописание» (буквальный перевод термина «география») такого края в жанре словаря непросто. Словарь, составленный известным краеведом И.П. Лотышевым, включает статьи о важнейших географических объектах Краснодарского края, а также информацию о климате, рельефе, полезных ископаемых, растительном и животном мире.

Авторы и издатели постарались проиллюстрировать все тематические направления, использовать самые последние данные о социально-экономическом развитии края. Словарь будет интересен широкому кругу читателей, а также полезен тем, кто изучает региональный курс географии.

По вопросам приобретения обращайтесь:
г. Краснодар, ул. Володарского, 6.
Тел. (861) 254-25-67, 239-76-55. [www: http://www.kubes.ru](http://www.kubes.ru)

Учебное издание

Маслов Анатолий Васильевич

КУБАНСКАЯ СТАРИНА

Жизнь и быт казаков

Элективный курс

Руководитель проекта *В.Е. Земцов*

Редакторы *О.А. Хамцова, Е.А. Лобанова*

Корректор *И.Н. Масленникова*

Технический редактор *Т.И. Кузнецова*

Компьютерная верстка *И.Я. Демиденко*

Изд. лиц. ИД № 065769 от 10.04.98

Подписано в печать 12.02.07.

Формат бумаги 60x90^{1/16}. Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.

Печ. л. 2. Тираж 1000 экз.

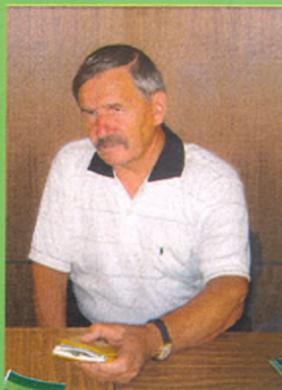
Подготовлено к печати и отпечатано в редакционно-издательском комплексе
ОИПЦ «Перспективы образования».

*По вопросам приобретения
обращаться по адресу:*

350038, г. Краснодар, ул. Володарского, б.

Тел. (861) 254-25-67, факс 239-76-55.

E-mail: info@kubes.ru

Анатолий Васильевич МАСЛОВ много лет преподает историю в СШ №10 станицы Новопокровской. С изучения истории родной станицы началось увлечение историческим краеведением. Своими находками, методическими разработками Анатолий Васильевич делится с коллегами на семинарах, на страницах краевых и центральных периодических изданий. А. В. Маслов – лауреат краевой педагогической выставки «Школа на пороге XXI в.» (Краснодар, 1999), участник Всероссийского совещания работников образования (Москва, 2000). Наблюдения краеведа обобщены в методическом пособии «Три века истории Кубани» (Краснодар, 2000) и книге очерков о знаменитых людях Новопокровского района «Открытые судьбы» (Краснодар, 2004)

ISBN 593749066-5

9 785937 490667